

“Тезисы воспоминаний” Ионы Исааковича Гуршман – это повествование о жизни инженера – крупного специалиста в стекольной промышленности. Он родился в дореволюционной России, в интеллигентной еврейской семье, имевшей полное гражданское право на проживание в Санкт-Петербурге.

Кроме истории семьи в книге представлены такие воспоминания автора, как дореволюционное детство, кругосветное путешествие в составе Петроградской Детской Колонии, становление Советской Власти в Петрограде, тюрьма, Ленинградская блокада, послевоенное восстановление промышленности – события, в которых автор принимал самое активное участие.

Иона Исаакович Гуршман

Тезисы Воспоминаний

Тезисы Воспоминаний

Иона Исаакович Гуршман

...ама заболел...
...уменьшилось...
...на 2-й Советской...
...было все время...
...драго операцион...
...но ночь мы...
...важно, поддержи...
...ом у нас прегра...
...рван без операци...
...ра не части экон...
...т. е. новой экон...
...важно начала в...
...но перестраивае...
...не из Кротова д...
...были бы учени...
...активный дирек...
...дирекции, а так...
...твом...
...потеряна была...
...после директив...
...взять на себя...
...согласился. П...
...мелким нефто...
...несколько ме...
...ко почти пол...
...фабрике...
...а сэр...

Война. Блокада

В 11 часов прибежал бледный, запыхавшийся молодой хозяин дачи с криком “ВОЙНА”, а, когда отдышался, рассказал, что сейчас на станции слышал по радио речь Молотова, сообщившего, что сегодня рано утром германские войска перешли советскую границу, а их самолеты бомбили ряд наших больших городов. Я, конечно, сразу собрался ехать в свою часть, полагая, что Регина с мальчиками может спокойно остаться на даче. Однако, она категорически отказалась оставаться. В этот момент, как на грех, над нами появились 5 самолетов, а из кустов за забором дачи начался зенитный обстрел их. Видимо, ночью в этих кустах были установлены и замаскированы зенитные орудия. Воля и Боря были в восторге от стрельбы, плясали во дворе, и я с трудом загнал их в дом во избежание поражений падающими осколками снарядов. Вражеские самолеты повернули в сторону Парголово, но один, видимо, был поврежден, резко отставал. В дальнейшем оказалось, что это была первая попытка нападения германских самолетов из Финляндии на Ленинград, оказавшаяся неудачной – один самолет упал в Финский залив, 2 других были подбиты над Парголово, и оставшиеся 2 вернулись в Финляндию. Этот эпизод, конечно, не прибавил храбрости Регине, которая наскоро уложила в чемоданы все самое необходимое или более ценное. По близпроходящему шоссе вереницей шли к Ленинграду автомашины, переполненные дачниками, бежавшими с Карельского перешейка. Наш хозяин, который также должен был явиться в свою часть, однако, помог нам с чемоданами добраться до станции и втиснуться в переполненный поезд, причем я ехал на буферах, а два чемодана стояли на переходной площадке. В Ленинграде у Финляндского вокзала в переполненные трамваи попасть было невозможно. Ни одной автомашины поблизости не оказалось. Подъехало такси, но молодой шофер заявил, что едет в парк сдать машину и отправляется в свою часть. Когда же я сказал, что также должен явиться в свое подразделение, и стал уговаривать его довезти нас хотя бы до 10 Советской улицы, т.е. к родителям Регины, он согласился, поскольку это было лишь небольшим отклонением от его маршрута в парк. Через 10 минут мы были на месте. Я только внес чемоданы и отправился в штаб. Наши подразделения уже были размещены в пустующем летом общежитии Института Железнодорожного Транспорта в большом П-образном здании на углу 7-й Красноармейской улицы и переулка Егорова. Там же уже располагались кухня, столовая и ряд других формирований. Наши спецмашины и приборы стояли во дворе, огражденном высокой решеткой, входная калитка и ворота охранялись часовыми. Мы получали бесплатно трехразовое приличное питание, и за нами также как и за ополченцами, пока сохранялась средняя зарплата по месту работы. Следующую неделю наша команда каждое утро после переклички и

завтрака строем отправлялась в Волкову деревню, где целыми днями занималась маскировкой нефтебазы “Красный Нефтяник”, покрывая камуфляжными сетями громадные нефтехранилища и другие объекты, соответственно, закрепляя сети и другие средства маскировки. Вечером после ужина я шел на 2-ю Красноармейскую к себе на квартиру, расположенную в 10 минутах ходьбы, и оттуда по телефону разговаривал с Региной, которая с Бобочкой была у родителей, с Соней и мамой. Все они готовились к отъезду с группой семей ответственных работников, куда и Регину с малышом включили по заявке Николая.

Конечно, немцев у Ленинграда никто не ожидал, но воздушные налеты их не исключались. С вечера каждую ночь над городом были подняты аэростаты заграждения. Через пару дней я нашел в квартире 2 повестки – на сдачу радиоприемника и мотоцикла. На следующий день я отвез приемник, а мотоцикл закрепили за мною, как за командиром подразделения, имеющего автотранспорт. 29 июня Николай, родители Регины и я провозжали на Московском вокзале наши семьи, при чем маму удалось отправить с большим трудом, чуть ли не силой – она считала, что должна быть в Ленинграде, поскольку все три ее сына остались здесь. Сёма был в ополчении, а Савелик – уже на Финском фронте. Они, конечно, в проводах не участвовали. Во всяком случае настроение у всех было далеко не радостное. Наши семьи в Галиче (Ярославской области) были временно поселены в школе. Отношение Регины к маме и Соне по-прежнему было более чем холодное, хотя включение её в список на эвакуацию Николай сделал по просьбе мамы и Сони.

По окончании маскировочных работ в Волковой деревне нам всем выдали винтовки со штыками и американские тарелкообразные шлемы, а также средства личной химической защиты – комбинезоны и противогазы. Начальник команды инженер-строитель Александров, командиры взводов, агрохимик Целигоров и техник Козлов, были лейтенантами запаса стрелковых частей, политрук, старший лейтенант Кукушин также. С вопросами боевой химии, хим.защиты и дегазации они были ознакомлены довольно поверхностно на кратковременных предвоенных сборах, и, конечно, не были достаточно тренированы для длительной работы в комбинезоне и противогазе. Рядовой и сержантский состав команды также был укомплектован ленинградцами, отслужившими в армии запасниками 1-й очереди, также только познакомившихся с дегазационными работами в комбинезонах и противогазах на 4 дневных учениях-сборах МПВО. Единственное, на что обращали внимание при отборе, это большой объём легких, необходимый для работы в противогазе. В строевой подготовке они не нуждались, проводились общие занятия по штыковому и гранатному бою, а также специальные тренировки по длительной работе в противогазах и комбинезонах с приборами и машинами. Поскольку я, зам. начальника оказался единственным, пришедшим из

химчстей, на меня легла, кроме проведения общих занятий, организационная часть спецподготовки всей команды, отчасти даже и командного состава.

Между тем фашисты приближались к Ленинграду – уже заняли Псковскую область. Большая часть свободного трудоспособного населения Ленинграда была отправлена под Лугу рыть траншеи и противотанковые рвы. Нас также направили на Пулковское (Киевское) шоссе, где мы, раздетые до пояса, по 12 часов рыли широкие и глубокие противотанковые рвы и помогали устанавливать бетонные надолбы. Горячее питание нам привозили в походных кухнях. Немецкая авиация обнаглела и, несмотря на зенитный огонь, днем прорывалась в небо Ленинграда. Пользуясь своим значительным техническим и количественным превосходством над нашими “чайками” и “ишаками”, немцы чувствовали себя довольно свободно. Кстати, много наших самолетов было уничтожено неожиданными бомбежками на аэродромах. Но подчас немцы несли потери от наших зенитчиков, а также от наших летчиков, которые жертвуя собой, шли на “таран” и сбивали фашистов. По сообщению газеты “Известия” за 22/VI - 1985 г. только за 1941 год совершено 192 тарана.

В конце августа сестра Соня, узнав о начавшихся воздушных налетах, беспокоясь за мужа, оставила дочку Лариску на маму и прикатила в Ленинград. Однако, Николай не позволил ей остаться, заставил взять кое-какие теплые вещи и немедленно 26 августа отправиться обратно в Галич.

А 28 августа дорога была уже перекрыта немцами – началась БЛОКАДА Ленинграда. У нас же оборонные работы чередовались с боевой подготовкой. Однажды, во время занятий раздался сигнал “воздушной тревоги”. Согласно указанию штаба весь личный состав должен был укрыться в большом вестибюле 2-го этажа нашего здания. Люди в плоских стальных шлемах, с винтовками с примкнутыми штыками и противогАЗами в сумках на боку, стояли почти вплотную друг к другу. Бомба упала на склад расположенного рядом Трубопрокатного завода, и вслед за ее взрывом последовали взрывы находившихся на складе баллонов с газом. В вестибюле началась массовая паника, люди чуть не поранили друг друга штыками, а от ударов шлемами остались синяки и ссадины. После этого случая мы просили у командования разрешения устроить в подвалах здания, заваленных мусором и хламом, нормальное бомбоубежище. Получив разрешение в сентябре, все свободное время мы использовали на очистку подвалов и пробивку дополнительных входов, а когда привезли бревна и доски, усилили перекрытия и опоры их, устроили топчаны, скамейки. Возвращаясь несколько назад, в последних числах августа у меня был интересный случай. Выйдя перед ужином в расположенную против нашего здания булочную и возвращаясь оттуда, я увидел сидящего на тротуаре у забора нашего двора молодого здорового блондина в прекрасном спортивном костюме, по-видимому, пьяного, дремавшего, но иногда открывающего бессмысленные глаза.

Однако, я заметил, что когда в ворота входили воинские подразделения, пришедшие в столовую на ужин, взгляд у парня сразу направлялся на них и становился осмысленным. На мой вопрос: “что он здесь делает?” – парень заплетающимся языком ответил, что он студент Военно-механического института, был на практике в Кременчуге, убежал от наступающих немцев и хотел вернуться в свое общежитие, но оно оказалось занятым. Не зная, куда деваться, с горя немножко выпил. А потом решил попроситься в это общежитие, но и здесь оказались военные. На мой вопрос – “в каком общежитии он жил?” парень назвал мне правильно номер дома общежития, что на углу Измайловского проспекта и Обводного канала, и... квартиру 42. Этот дом я знал, так как там размещался, в числе прочих, наш взвод подрывников, и знал, что как во всех общежитиях, там нет номеров квартир, а есть номера комнат. Я сказал парню, что может быть сумею ему помочь – пусть подождет, а часовому у ворот шепнул, чтоб следил за ним и не позволил уйти. Затем взял двух здоровых ребят с винтовками, вышел с ними за ворота, и они сразу взяли его, как пьяного под руки, подняли и тут же обыскали – оружия при нем не было. Документы мы не просматривали, отвели его в наше помещение, после чего я доложил по телефону дежурному по штабу об этом инциденте. Через 15 - 20 минут приехала за ним машина с конвойными из Райотдела НКВД, а на следующий день я узнал, что это был заброшенный к нам, владевший свободно русским языком немец, фашистский шпион. Вероятно, его расстреляли. 9 сентября произошла страшная для Ленинграда катастрофа – сгорели громадные Бадаевские склады, в которых, как говорили, хранилась большая часть продовольственных запасов города. Поскольку, все склады горели почти одновременно, очевидно, это было результатом не только сброшенных с самолетов зажигательных бомб, но и диверсионных поджогов с земли. Однако, точных причин этого несчастья, из-за которого погибли позже сотни тысяч ленинградцев, я до сих пор не знаю. Хотя там работали все ленинградские пожарные команды, но близко подступиться к объектам пожара было невозможно. Сахар плавился, горел и жидкими реками вытекал из складов, растекаясь по земле и впитываясь в нее. Впоследствии, голодающие ленинградцы выковыривали комки земли хотя бы с малой толикой сахара в них. Место пожара было оцеплено милицией, воинскими формированиями, в том числе, и нашими, но я не знаю, были ли задержаны кто-либо из виновников пожара. Надо сказать, что фашистская авиация научилась бороться с аэростатами заграждения, расстреливая их и таким образом выпуская из них летучий газ, так что уже в сентябре их не стало в небе. Немецкие самолеты шли на Ленинград каждую ночь большими группами и последовательными волнами и сбрасывали много фугасных и зажигательных бомб. В части “зажигалок” всё гражданское население – старики, женщины и подростки, научились бороться с “зажигалками”. Дежурные на крышах и чердаках в

рукавицах и с клещами сбрасывали “зажигалки” либо в ящики с песком, либо вниз на мостовую. Но от фугасных бомб спасения не было. Разрушений было очень много. В некоторые ночи – до 10 сигналов “воздушной тревоги”, т.е. налетов фашистской авиации. После каждого из них оставались большие разрушения и многочисленные жертвы: мёртвые и живые, но похороненные под развалинами. Поэтому во время “воздушных тревог” мы уже не сидели в бомбоубежище, а выходили в очаги поражения, где старались спасти живых людей, раскапывая их из под развалин. К сожалению, не всегда эти попытки были удачными, а часто спасенные люди оказывались сильно искалеченными. Днем мы уезжали на машинах на оборонные работы – близ деревни Купчино, в болоте, чуть не по пояс в воде, копали траншеи и иногда помогали саперам строить ДОТы. Однажды днем на нас налетела на бреющем полете группа фашистских истребителей, интенсивно обстрелявшая нас из пулеметов. К счастью, мы вовремя уселись или улеглись в траншеи, а нескольких товарищей спасли наши плоские американские каски, от которых пули рикошетом отскакивали. Однако, сидевшие в кабине автомашины, подъехавшей в этот момент, лейтенант саперов был убит, а шофер ранен. На фоне частых массовых налетов и бомбежек появились опасные пособники фашистов, так называемые “ракетчики”. При полной световой маскировке Ленинграда, ночью, они в моменты налета выпускали из окон чердаков или необитаемых квартир верхних этажей трассирующие ракеты в направлении важных военных, промышленных или транспортных объектов. Трассы ракет, пущенных из разных мест, таким образом пересекались над указываемым ими объектом, т.е. местом бомбежки. Ближайшими от нас такими точками в Ленинском районе были завод “Треугольник”, Балтийский и Варшавский вокзалы, Митрофаньевское кладбище, где были замаскированы несколько зенитных батарей, и некоторые другие. Ракетчики действовали нагло, чувствуя себя в безопасности под покровом темноты и “воздушной тревоги”, когда все, кроме дежурных, обязаны были уходить в бомбоубежище. Однако, органы НКВД нашли способ ликвидации ракетчиков, для чего были мобилизованы все находившиеся в городе формирования, личный состав которых имел личное оружие, в том числе части МПВО, а также расквартированные в одном с нами здании резерв командного состава и учебные команды десантников из студентов, знающих немецкий язык. В первых числах октября, вечером, перед ночной операцией нами был получен приказ с приложенной заранее разработкой дислокации патрулей на перекрестках улиц и постов во дворах. При первом ночном сигнале “воздушной тревоги” все участники операции были подняты по команде “в ружье” и быстро заняли назначенные места. Когда в небе послышалось гудение вражеских самолетов, ракетчики начали действовать. Места вылета ракет сразу засекались, входы в дом тихо перекрывались, после чего производился обыск засеченных чердаков и

верхних этажей. Штаб операции нашего микрорайона находился в нашем здании, куда доставлялись в основном все пойманные с поличным, т.е. с ракетницами и ракетами, и небольшое количество подозреваемых. После отбоя первой “воздушной тревоги” все оставались на своих местах, однако, укрываясь от лишних взглядов в подворотнях. При наступившем вскоре вторичном налете операция в полном масштабе повторилась, после чего все участники с задержанными вернулись в штаб, а затем в свои расположения. “Улов” был солидный – два полных грузовика ракетчиков с конвоирами были отправлены из нашего микрорайона в “Большой Дом”. В следующую ночь операция повторилась, количество выпущенных и засеченных ракет значительно уменьшилось, и соответственно меньше ракетчиков было задержано. Среди задержанных иностранцев не было. Все были русские, с ленинградской пропиской, различных профессий и совсем простые – продавцы, управдомы, домашние хозяйки в шикарных туалетах и им подобные. Во всяком случае после проведенных мероприятий запуск указательных ракет при налетах фашистов прекратился. Эта операция, получившая позже название “зеленые цепочки”, в дальнейшем была описана в небольшой занимательной книжке под этим же названием, однако, со значительным количеством авторских дополнений, в достоверности которых я не вполне уверен. Между тем положение блокированного Ленинграда было отчаянным. Фашисты подошли вплотную к городу. Их танки появлялись близ Кировского завода, хотя обычно это было для них последним походом. Фашистская большая группа армии “Север” с новейшими танками и самоходными орудиями, с громадной армадой истребителей и бомбардировщиков, представляющих последнее слово военно-авиационной техники, с моторизованной пехотой, вооруженной автоматами и передвигавшейся на танках, бронетранспортерах, автомашинах и на мотоциклах с колясками, оборудованными пулеметами, и, конечно, с артиллерией и минометами всех видов, в своем составе имела ряд соединений головорезов СС и испанскую добровольческую “голубую дивизию”. Они уже занимали часть Петродворца, Стрельну, завод “Пишмаш”, больницу Фореля, Лигово, Пулково, Пушкин, Ям-Ижору, Красный Бор, Отрадное, Павлово и Петрокрепость, и только у Невской Дубровки на левом берегу Невы наши войска ценой больших потерь удерживали плацдарм “Невский пятачок”. На севере немцы и финны заняли линию от Солнечного у Финского залива через Лемболово до Пятиречья у Ладожского озера. Большая часть Московской линии железной дороги была занята фашистами, а на северной линии город Тихвин был в их руках и лишь в конце 1941 года был освобожден Волховским фронтом. Балтийский флот из Таллина, Ханко и Сортавалы с советскими войсками и населением пробился с боями, не без потерь, в Кронштадт и частично в Ленинград, где часть его пришвартовалась к стенкам и своей мощной дальнобойной артиллерией обороняла город от врагов.

Значительная часть моряков сошла с кораблей на сушу в Ленинграде и Ломоносове и влилась в армейские подразделения. В Ломоносове они заняли и отстояли вместе с сухопутными частями большой плацдарм, названный “Ораниенбаумским пятачком”, охватывавшем часть Петродворца, Ломоносов, Большую Ижору, Лебяжье, Сосновый Бор и значительную территорию вглубь от этого побережья. Сплоченные и смелые моряки никогда не отступали, когда они ходили в атаки и контратаки. Даже отчаянные фашистские головорезы-эсэсовцы очень боялись советских моряков, называя их “черной смертью”. Двести тысяч добровольцев ленинградского ополчения героически пошли защищать “грудью” свой город, но, к сожалению, только грудью, так как против немецких автоматов и танков они были вооружены лишь винтовками, да и то не все. Из них вернулись очень немногие. Кадровые части Красной Армии, отступавшие с боями от границы до Ленинграда с неизбежными потерями под натиском превосходящих сил фашистов (а иногда, нечего греха таить, убежавшие от угрозы окружения), естественно, растеряли почти все тяжелое оружие, а подчас и личное. Случайно встреченный мною близ нашего расположения капитан Иван Юрьевич Орловский, старый мой знакомый – инженер, воевавший с первого дня войны, чуть не со слезами от обиды рассказал мне, что с остатками своего батальона вернулся из под Луги, где они не могли оказать сопротивления немецким танкам, не имея не только противотанковых пушек и ружей, но даже гранат и зажигательных бутылок, а его личное вооружение составлял пистолет с одной обоймой патронов.

После операции “зеленые цепочки” у нас отобрали шлемы и боевые винтовки с патронами, оставив только учебные. Нам объяснили, что оружие нужно для “переднего края”. Мне не хочется вспоминать все те ужасы, которых мы насмотрелись в очагах поражения, когда в один момент родители теряли детей, дети родителей, супруги один другого, а иногда находили искалеченными. В сентябре фашисты подвезли и установили на Вороньей горе в Дудергофе (теперь Можайская) значительное количество дальнобойных орудий, которые пристреляли по местам возможного скопления людей в городе: рынкам, трамвайным остановкам, очередям и т.д. Больше всего страдали от обстрелов, повлекших за собой громадное количество жертв, в первую очередь южные районы – Московский, Ленинский и Кировский. Были случаи попадания снарядов в трамваи, переполненные ехавшими на работу людьми. На стенах домов обстреливаемых улиц появились надписи “эта сторона обстреливается”. По-видимому, несмотря на уничтожение “ракетчиков”, фашисты получали еще из Ленинграда предательскую информацию, способствующую прицельности обстрелов и бомбежек. Так прямым попаданием крупной бомбы было полностью разрушено новое здание большого госпиталя на углу Суворовского проспекта и улицы Красной конницы, в котором погибли почти все раненые и медперсонал.

Немецкая авиация кроме бомб начала сбрасывать пачки листовок с призывами к населению от имени фашистского командования уничтожить коммунистов и евреев и без кровопролития прийти к сотрудничеству с Германией, с германской армией, которая несет русским людям свободу. Это было как раз в тот момент, когда Гитлер, взбешенный несостоявшейся молниеносностью войны и неожиданно большими потерями немцев, издал приказ любой ценой взять Ленинград, сравнять с землей эту колыбель коммунизма и уничтожить все население. От моего знакомого, шахматного гроссмейстера инженера Левенфиша, владевшего немецким языком, позже я узнал, что он слышал по радио в первый день войны речь Гитлера, который сказал, что по его заданию руководители армии и промышленности в СССР уничтожены в 1937 – 1938 годах, что в многонациональном Советском Союзе все нации ненавидят друг друга, и поэтому СССР не может оказать серьезного сопротивления – война будет молниеносной и без потерь, Немецкий Рейх приобретет громадные территории и дармовую рабочую силу на Востоке. Поэтому бешенство Гитлера, столкнувшегося с затяжной войной и большими потерями, т.е. крахом своих планов, становится понятным. И, действительно, положение Ленинграда было угрожающим. Газета “Ленинградская Правда” не скрывала этого – она писала, что мы не сдадим Ленинград, но должны быть готовы ко всяким случайностям вроде прорыва фашистов на окраины города, и что все население в этом случае должно обороняться, вооружаясь любыми подручными предметами – ножами, топорами, вилами, железными прутьями и т.п. В это же время фашисты подошли к Москве и готовились к штурму столицы. Правительство срочно эвакуировалось в Куйбышев, но Сталин остался на месте. На предприятиях, в учреждениях и среди населения началась паника. Бежали всеми видами транспорта и пешком, боялись окружения и блокады. Это бегство на восток получило название московского “драпа”. Однако, 7-го Ноября на Красной площади Сталин принимал парад, и войска прямо с парада шли на фронт под Москву. Об этом мне впоследствии рассказал свояк, военный врач Белостоцкий. Большая часть Украины уже была занята гитлеровцами, но в Севастополе и Одессе моряки и партизаны героически оборонялись. В это же, примерно, время сдался фашистам и перешел на их сторону бывший командующий корпусом генерал Власов, вместе с большой группой украинский предателей, ставших ядром организованной им, так называемой, Русской Освободительной Армии (сокращенное РОА), и пополнявшейся предателями, вербовавшимися в лагерях военнопленных.

Изредка я созванивался с Николаем, а еще реже встречался с ним в маминной квартире, где он жил. Николай, являвшийся членом Облисполкома, вращался среди руководства в Смольном и, конечно, знал больше, чем рядовые ленинградцы. Он был честным, идейным коммунистом, не шкурником, но в этот период запаниковал, говоря, что наши дни теперь сочтены, мы не удержим города,

и всячески ругал правительство и руководство партии, т.е. Сталина, за то, что “хлопали ушами и занимались болтовней”, когда надо было готовиться к войне и укреплять границы, не доверяя фашистской дружбе. Хотя во многом он был прав, но панику его я не поддерживал. Я, беспартийный, успокаивал его, коммуниста, говоря, что даже если не удастся отстоять Ленинград, это еще не означает гибели всех нас, и тем более, гибели страны. Я рассказал ему, что встретил случайно своего старого товарища, работавшего вместе со мной на заводе им. Бадаева, в это время главного инженера завода, Гришу Кринского, который взорвал завод, когда фашисты показались на окраине поселка, и пешком ушел в Ленинград с небольшой группой товарищей. С Гришей мы договорились, что, если останемся живы, то в самом худшем случае я также подберу группу надежных ребят и вместе уйдем в Тосненский район партизанить. Не знаю, успокоил ли я Николая, но в следующее свидание он принес мне несколько партизанских ножей, изготавливаемых на предприятии его системы, и сказал, что в худшем случае также присоединится к нам.

Обычно, после редких посещений маминой квартиры, я заходил, хотя бы на короткое время, на 10-ю Советскую к родителям Регины. Ее мама, Мария Денисовна, работавшая до войны на Васильевском острове зав.аптекой родильного дома им. Видемана, а во время войны – военного госпиталя – была в подавленном состоянии, но отец, Ефим Израилевич, держался оптимистом и успокаивал жену. На неё, возможно, подействовало самоубийство одного из родственников, произошедшее недавно на почве паники и психического заскока. Ефим Израилевич по-прежнему, как до войны, возглавлял Специальную Спиртомерную Мастерскую, подчиненную непосредственно Главку. Во всяком случае, веселые лица не встречались нигде.

Между тем, в этот же период, т.е. в октябре 1941 года по приказу штаба я был переведен в 13 участок МПВО начальником команды, поскольку мой предшественник Васин, большая семья которого осталась в Ленинграде, тяжело заболел и был из армии уволен вчистую, а после этого через 2 месяца умер. Моя команда, примерно, около 120 человек размещалась в большом массивном толстостенном трехэтажном старинном здании бывшего Финансового-Экономического Техникума и его общежития на углу Дровяной и Курлянской улиц. Как и в общежитии ЛИИЖТ (Ленинградский Институт Инженеров Железнодорожного Транспорта), здесь полностью сохранились инвентарь, мебель, кровати, все постельные принадлежности и белье на кроватях. Техника – автомашины, мотопомпы и спецприборы стояли в больших гаражах во дворе того же здания. Несмотря на хороший состав команды – дисциплинированные, здоровые, культурные ленинградцы в возрасте от 25 до 45 лет – видимо, из-за болезни Васина и одного из командиров взводов, которого также отчислили по состоянию здоровья, вопросам общевоинской, а особенно специальной

противохимической боевой подготовки уделялось, мягко говоря, недостаточно внимания. Пришлось мне срочно ликвидировать этот пробел, в первую очередь проводя занятия по спецподготовке со средними и младшими командирами, а затем вместе с ними – и с рядовым составом. В части же общевойсковой подготовки – борьбы с танками и штыкового боя – активно включились мои помощники: “старый солдат”, а ныне мой помполит, капитан Семенов И.В., командир первого взвода лейтенант Никифоров, а также остальные помощники командиров взводов. В это же время в штабе мне сообщили, что получены сведения о производимых фашистами опытах на людях по применению отравляющих веществ в лагерях советских военнопленных под Псковом. Был приказ об усилении противохимической подготовки. В это же время стали появляться, хотя и редко, приветы от немецких антифашистов, в виде неразорвавшихся снарядов, в которых после обезвреживания их находили короткие записки, содержащие мысль “чем можем поможем”. С питанием же в Ленинграде становилось все хуже и хуже, продовольственные оставшиеся запасы исчерпались, по воздуху с трудом доставлялись лишь необходимые боеприпасы и горючее для самолетов и танков. Уже введена карточная система распределения продовольствия и за короткий промежуток времени норма выдачи хлеба для рабочих и солдат доведена до 200 грамм в день, а остальным – 100 грамм. В хлебе часть муки заменяется наполнителями вроде молотой бумаги и т.п. Наш “приварок”, т.е. обед и ужин, изо дня в день уменьшается и ухудшается, также появляются заменители в виде соевых “шротов”. Бомбежки и обстрелы продолжаются, рушатся здания, гибнут люди.

В начале ноября я получил срочный приказ немедленно организовать выемку из воронки неразорвавшейся полутонной бомбы на площади у Балтийского вокзала, слева от сквера (глядя от Обводного канала), а если пловуном ее будет засасывать, то, при заглублении более 3,5 метров, засыпать бомбу землей. Взяв 2 отделения 3-го взвода с помощником командира Скворцовым во главе, вооруженных соответствующими инструментами и тросами, я также отправился с ними, считая невозможным проведение такой опасной операции без моего участия, и я оказался прав. Левая сторона площади была оцеплена милицией и другими формированиями. Нас ожидал сапёр-подрывник, который должен был вывернуть взрыватель, обезвредить бомбу, лежавшую глубоко в воронке в пловуне – лишь небольшая часть ее поверхности была видна. Нужно было добраться до взрывателя. Мы все были в резиновых сапогах, готовые действовать, но подойдя ближе к воронке ребята несколько оробели. Тогда мы, я и Скворцов, с чувством большого внутреннего страха, но не показывая его, и отпуская какие-то шутки, полезли в воронку, а уже следом за нами спустились еще 5 человек. Мое чувство было каким-то нелепым – я страшился не самого факта смерти, а того, что в случае взрыва бомбы от меня ничего не останется. Прежде всего, я через маленький ломик прослушал, не работает ли в бомбе

часовой механизм – ничего слышно не было. Тогда, зная, что взрыватель находится в передней части бомбы, мы начали осторожно лопатами освобождать ее стабилизатор и бока, посменно опускаясь в воронку. Однако, по мере откапывания бомба углублялась в пльвун. Завести под нее трос было невозможно. Подрывник ушел в штаб района доложить о сложившемся положении, и оттуда вскоре пришел помначштаба с распоряжением углубить бомбу до 3,5 м. и засыпать имеющимся вокруг грунтом, после чего нам вернуться в свое расположение, а оцеплению оставаться до полной засыпки воронки привозным грунтом и установки ограждений. Эти работы нас не касались и после основной засыпки мы ушли. А через пару дней мы опять в том же составе провели такую же операцию и закопали бомбу на проспекте Огородникова близ Лермонтовского. Эта бомба впоследствии при строительстве гостиницы “Советская” задержала строительство на длительное время, пока сапёрам удалось ее вытащить. Затем, в воронке близ завода Резинотехнических изделий (РТИ) позади завода “Треугольник” в неразорвавшейся бомбе оказался работающий часовой механизм, и было решено не трогать ее. Через 20 минут бомба взорвалась. Жертв не было, но стекла в ближайшем здании были выбиты. Вскоре нам пришлось целым взводом, в срочном порядке, явиться на Митрофаньевское кладбище, где позади Балтийского вокзала, в непосредственной близости от него, в расположении большого кулака зенитных батарей, фашисты спустили на парашоте однотонную торпеду. Она не взорвалась, но, как оказалось, дистанционное устройство в ней работало. Около лежащей торпеды уже находились приехавшие на грузовике два инженера-морьяка из Института Высоких Давлений. Этот институт занимался подобными операциями. Когда я подошел, они сказали, что пока наша помощь не нужна, и чтоб мы стояли в оцеплении. Эта торпеда была неизученной новостью для всех, и моряки изодрали себе руки в кровь, но все же обезвредили ее, после чего мы погрузили торпеду на их машину для отправки в институт. Если бы эта торпеда взорвалась, лежа на земле, то сильной горизонтальной взрывной волной разрушила бы и часть вокзала и смела бы зенитные батареи, к которым теперь вновь вернулись обслуживавшие их девушки-зенитчицы. Наконец, еще через некоторое время пришлось нам закапывать снова неразорвавшуюся и засасываемую в пльвун бомбу на 9-й Красноармейской. Наряду с этими операциями команда занималась химической подготовкой и много времени отдавала работам в очагах поражения.

Уже шел ноябрь месяц. В казарме было холодно – центральное отопление не работало – не было топлива. Сказывалось недоедание. Особенно остро оно ощущалось крупными здоровыми мужчинами, ранее занимавшимися физическим трудом и привыкшими к обильному питанию. Один из таких здоровяков, Иванов, стоя на посту, упал без сознания. В санчасти он очнулся, врач определил причину – сердечная слабость от недоедания. Пришлось предоставлять в широких

масштабах кратковременные увольнения домой для отдыха. Команда была полностью сформирована из жителей только Ленинского района. Из дома они приносили некоторые теплые вещи, а изредка и немножко продуктов питания. Проблема подготовки к зиме стала очень острой. Поэтому мною было приказано всем выходящим в очаги поражения по окончании работы приносить оттуда кирпичи, куски листового железа, деревянные балки и доски. Мой помполит (помощник командира по политической части), Семенов Иван Владимирович, уже не молодой лет под 50, старый член партии, до войны работавший столяром на фабрике “Госзнак”, дисциплинированный, энергичный, честный и добрый человек, имевший звание капитана, очень дружелюбно встретил меня, когда я заменил Васина. Однако, он не обладал необходимыми методологическими и педагогическими данными для проведения политзанятий, ограничиваясь лишь прочтением соответствующих статей из газет. Я в тактичной форме предложил ему, что я возьму на себя проведение части политзанятий, оставив ему политинформацию. Он был очень доволен и старался, где только мог, помогать мне. Мы оба жили в отдельной небольшой комнате, называвшейся КП (командный пункт), и у нас сложились дружеские отношения. Поэтому дело подготовки к зиме он взял на себя, на каком-то складе раздобыл печные дверцы, шиберные заслонки и колоснички, организовал очистку кирпича, распиловку досок и балок на дрова, уплотнение окон и дверей, нашел в команде кровельщика, который занялся изготовлением печных труб из кровельного железа, собрал по всему зданию бочки и ведра, сделал большие санки и т.д. Не было глины, и в команде не нашлось ни одного печника. Я отправил машину – 3 солдата во главе со старшиной Виноградовым – на карьер кирпичного завода № 1 – теперь там парк Победы – накопать и привезти глину. Они быстро вернулись с полной машиной кирпича-сырца (глина), который им дали там, поскольку завод не работал. Семенов раздобыл где-то несколько печных кирочек и мастерков, сделал сам правила (линейки). Я же надел спецовку и, вспомнив свою практику на Ультрамариновом заводе в бригаде печников, начал в своей комнате складывать небольшую печурку собственной конструкции с маленьким щитком и закрываемым железом отверстием в верхнем перекрытии, чтоб можно было поставить чайник или кастрюлю. Мне помогали двое подручных из команды – они месили глину из кирпича-сырца с водой, подавали мне материалы. Ученики оказались способные и часть печурок они уже клали самостоятельно. Трубы от печек выводил в форточки кровельщик-жестянщик. Про наши печки узнали в штабе и в других подразделениях. Началось паломничество к нам за обменом опытом, а потом мои подручные клали у них печки.

В это время нас как части Ленинградского фронта второго эшелона, переименовали – команды стали ротами, а участки – батальонами, и зарплату мы уже стали получать не среднюю по месту работы, а в штабе по занимаемой

воинской должности. Я стал именоваться командиром хим. роты сначала 13-го, а потом 330-го отдельного батальона МПВО. В это же время солидную часть моей роты забрали и отправили в пополнение поредевших формирований переднего края Ленфронта. Я считал нашу работу второстепенной в деле обороны Ленинграда и написал рапорт в штаб с просьбой перевести меня также в передовые части, но быстро получил отказ. Между тем голод давал себя знать – в роте, да и у меня лично, появились случаи голодного поноса. Когда я был у родителей Регины, рассказал им об этом, Мария Денисовна дала мне кусок опия грамм 30 - 40 и маленькую бутылочку спирта, сказав, что раствор опия в спирте в небольших дозах прекращает понос. Наш опытный батальонный врач, пожилая Евдокия Васильевна, подтвердила рекомендацию Марии Денисовны и попросила поделиться с нею частью опия для других подразделений. Конечно, я не мог отказать. Попробовал накапать этого раствора себе – помогло, после чего дал его также больным, подчас лежащим, с поносом – также всем помогло.

Мама с Соней и Ларой, и Регина с Борей жили в эвакуации в Уфе, конечно, далеко не роскошно, но не знали бомбежек, обстрелов и голода. Мама писала мне очень часто, Регина также, но главным образом интересовалась положением родителей, которые писали ей редко. Отец ее, Ефим Израилевич, директор небольшой, но единственной в СССР Спиртомерной Мастерской Наркомпищепрома, по распоряжению сверху сохранил работающее производство, располагавшееся на улице Дзержинского близ Фонтанки. Это были высококвалифицированные мастера, которым дали военную бронь. В процессе очень щепетильной технологии спиртомеров, после каждой стадии производства и перед упаковкой готовых, эти приборы обмывались небольшими дозами спирта, который, обычно, после этого выливался в канализацию. Теперь же, во время голода, когда спирт был предметом товарообмена, эти смывки не выливались, а собирались и поровну делились между небольшим персоналом мастерской. Однажды, после очередной дележки спиртовых смывок, когда Ефим Израилевич возвращался домой с портфелем, в котором лежала маленькая плоская бутылочка с 200 гр. этого спирта, к нему подошли двое, предъявив издали удостоверения, будто бы милиция, предложили ему открыть портфель и отобрали бутылочку со спиртом, а когда он поинтересовался их фамилиями, то пригрозили, что фамилии он узнает при составлении протокола в милиции, и что сейчас за хищение продуктов питания дают расстрел. Ефим Израилевич любил немного выпить, но большую часть спирта меняли на хлеб или другие продукты. Когда я пришел к ним, он, не рассказав ничего жене, поделился со мною своим горем, т.к. больше приносить спирт было рискованно, хотя, по существу, это не было воровством. Я имел круглосуточный пропуск по Ленинграду, в том числе и во время воздушных тревог, всегда на улице носил при себе полевую сумку, противогаз и кобуру на поясе (без пистолета) и обещал помочь ему. В свои редкие увольнения в город я

заходил к нему в мастерскую, забирал бутылочки в полевую сумку и шел пешком на 9-ю Советскую в мамину квартиру, где встречался с Николаем, а затем уже на 10-ю Советскую, где возвращал “почту”. Зато мама, переживая на расстоянии за меня, здесь оказала невольно мне спасительную помощь. У нее в буфете я нашел несколько банок варенья, банку сахарного песка и понемногу разных круп. Варенье я кушал, когда приходил в квартиру, а сахарный песок и крупы я небольшими порциями брал с собой. И это было большим подкреплением для меня. Николай, которому я предложил поделиться “кладом”, отказался, объяснив, что питается в Смольном, не роскошно, но не голодает.

Шел уже декабрь 1941 года. Наступала суровая, очень морозная зима. Давно уже не ходили трамваи, не было электрического освещения и водоснабжения. Все помещения в Ленинграде, в том числе и наши казармы и штаб, освещались “коптилками”. Последние представляли собой маленькие посудинки – стопочки, бутылочки, из которых поднимался фитилек, закреплённый провололочкой, питающийся жидким смазочным маслом, керосином или бензином с солью. Воду брали из рек и каналов города, возили на санках или носили в руках ведрами. У прорубей, с громадными наледями, стояли очереди закутанных во что попало, едва державшихся на ногах людей. У нас снабжение водой из Фонтанки осуществлялось внутренним нарядом казармы и общебатальонным кухонным нарядом столовой. Между тем, на улицах начали появляться трупы, как вынесенных из квартир, так и упавших на холоде людей. Сокращение состава роты было частично восполнено в декабре прибытием группы мобилизованных в нашем районе мужчин старшего возраста в основном “хлебных” специальностей: продавцы, повара, мясники и т.п. С этой группой почти необученных военному делу людей пришлось отдельно заниматься боевой подготовкой. Однако, голод и отсутствие витаминов все резче давали о себе знать. Кроме проявления общей слабости, в роте появилась цинга – у одних, в том числе и у меня, в виде кровотечения из десен и расшатывания зубов, у других в виде черных пятен по телу и опухания суставов. Вот тогда-то, так кстати, я получил от нашей мудрой мамы два письма, к листкам которых были пришиты дольки чеснока, которыми я растирал кровоточащие дёсны. Большая земля, т.е. вся неоккупированная часть Советского Союза, старалась помочь заблокированным ленинградцам – через озеро шли к нам баржи, наполненные мешками с мукой. Однако, значительную часть их топила фашистская авиация. Наши сухопутные и морские части, в том числе водолазы, оборонявшие Ладогу, спасали хотя бы частично эту драгоценную муку – если не удавалось поднять целиком баржу, вытаскивали мешками. Конечно, подмоченная мука для хлеба не годилась, но ее пускали в столовые. Суп-болтушка из этой муки, имевший запах затхлости или прели, поедался нами больше чем с удовольствием. Иногда нам давали в столовой отвратительную кашницу из “шротов”, представлявших собой отход при производстве соевого

молока, выдававшегося детям. В один из декабрьских вечеров в наше КП, как называли мою и помполита комнату, постучался и вошел командир отделения Щербаков, бывший мясник, и попросил разрешения пойти ночью в “разведку” вдвоем с товарищем. На наш вопрос: “в какую разведку?” он пояснил, что днем приходил его брат с передовой и рассказал, что в “ничейной” зоне лежит много убитых и замерзших лошадей, и они по ночам ходят за мясом в “разведку”. Конечно, сказал Щербаков, мы принесем мясо для всей роты, а нам отдельно ничего не нужно, так как семьи наши в эвакуации. Посоветовавшись с Семеновым, я разрешил им пойти в “разведку”, а утром они притащили в роту две большие лошадиные замерзшие ляжки. Семенов с Щербаковым разрезали и разделили конину по всем отделениям роты, и несколько вечеров на всех печурках варился мясной суп, при чем кое-кто из под снега выкопал крапиву, варили щи. Ещё вспоминается случай: в ноябре, на проспекте Москвиной упала запряженная в телегу истощенная лошадь, которая не могла уже подняться, даже когда ее освободили от хомута, шлеи и подпруги. Почти моментально из соседних окружающих домов сбежались женщины с ножами, перерезали лошади горло и ее, еще полуживую, начали кромсать на куски, это было тяжелое зрелище, я не мог наблюдать его, а когда через час возвращался, то мостовая была пуста, лежал только скелет, голова, хвост и копыта лошади. Голод не тетка, но страшнее зверя! Жена лейтенанта Никифорова, командира 1 взвода, оставшаяся с сыном в Ленинграде, работала директором продовольственного магазина и, конечно, не голодала, поэтому о нём можно было сказать – “хлебом не корми, только дай увольнение”. Явлений голода или цинги у него не наблюдалось. Однажды, вернувшись из очередного похода домой, Никифоров по секрету рассказал мне, что на склад магазина завезено большое количество бочек с каким-то хвойным витамином, имеющим отвратительный вкус, из-за чего его почти никто, хотя и без карточек, не покупает. Я сразу же обратился за советом к нашему батальонному врачу Евдокии Васильевне, которая, оказывается, уже знала об этой новинке и рекомендовала приобрести ее, по возможности больше, для всего батальона, штаб возместит мне оплату. В общем, мы собрали между собой порядочную сумму и отправили за витамином на автомашине Никифорова и старшину Виноградова, которые вскоре привезли полный кузов запечатанных бочек. Примерно одну четверть я оставил в гараже для своей роты, остальные направил в распоряжение Евдокии Васильевны, которая рекомендовала выдавать всем без исключения по 100 грамм витамина ежедневно. Я это оформил в порядке приказа, и на утренней поверке старшина разливал стограммовой стопочкой в кружку каждому целебную жидкость. Приказ выполнялся неукоснительно, все пили эту гадость, кроме Никифорова, который всё-таки через 2 месяца заболел тяжелой цингой. Все остальные постепенно поправлялись, и через 2 недели у большинства уже не обнаруживалось резких признаков цинги. В конце декабря

снова значительная часть роты ушла на пополнение переднего края. Я снова подал рапорт начальству, чтоб меня также перевели с этой группой, но снова получил отказ. Зима уже лютовала. Ладожское озеро замерзло и саперы Волховского фронта уже проложили зимнюю дорогу от Кабоны к Северной линии Октябрьской дороги, Тихвин был отбит у немцев. Через Ладогу была проложена большая автомобильная дорога от станций Рахья-Кокорево на Кабону через остров Большой Зеленец. От Ленинграда до Ладоги сохранялось железнодорожное движение. Вся эта трасса, охранявшаяся большими силами, в основном зенитной артиллерией, получила название “Дороги Жизни”. По ней из Ленинграда транспортировались больные и истощенные люди и женщины с детьми, а обратно Большая Земля на тех же автомашинах посылала боеприпасы, горючее и продовольствие. Несмотря на интенсивный зенитный огонь, вражеская авиация эпизодически бомбила и обстреливала движущиеся по дороге группы наших автомашин, из которых немало погибло на этой дороге, хотя часть шоферов спаслась благодаря открытым дверцам кабин – быстро выпрыгивали и отбегали в сторону. Рассказывали, что очень большая группа мальчиков, не имевших родителей в Ленинграде, учеников Ремесленных училищ, спасаясь от голода, пошла самовольно пешком по “Дороге Жизни”, но многие падали и замерзали, только меньшая часть спаслась. Благодаря “Дороге Жизни” постепенно за счет эвакуации уменьшалось количество голодных, нетрудоспособных людей в городе, при одновременном увеличении продовольственных ресурсов. Резкого улучшения питания сразу, конечно, не могло получиться. Однако, в нашем “приварке” понемножку добавлялись к шротам небольшие дозы круп. На промышленных предприятиях организовывались, так называемые, “стационары”, где люди, бывшие не в состоянии ходить, лежали в теплом помещении и получали небольшие добавки к своему пайку, которых все же было недостаточно для восстановления ослабшего сердца, большинство в стационарах умирало от дистрофии, но все же часть выживала. Как я узнал впоследствии, одним из пациентов стационара на заводе “Большевик” был старший брат мамы – дядя Леон, ведавший всем инструментальным хозяйством завода. Он жил на Васильевском Острове и после прекращения движения трамваев, ходил пешком оттуда на работу и обратно, а затем ослабев, перешел на казарменное положение на заводе, но силы были уже растрачены, и он попал в стационар. Надо сказать, что также как он, все, мужчины и женщины, на всех предприятиях работали из последних сил – ведь независимо от прошлого профиля производства почти все заводы и фабрики выпускали оборонную продукцию – от ножей и патронов до пушек и танков. Однако, мужчины оказались слабее женщин, которые в большинстве держались еще в то время, как мужчины падали и умирали. Между тем, после грандиозного сражения под Москвой, где развеялся миф о непобедимости фашистов, сын дяди

Леона, т.е. мой двоюродный брат Сёма, до войны инженер-электрик, поэт и сказочник, а теперь майор, оказался в числе отличившихся в боях. Он получил разрешение начальства вместо награждения орденом на поездку в Ленинград на своей автомашине, чтобы вывезти оттуда голодающего шестидесятилетнего отца, о тяжелом состоянии которого он еще не знал. С запасом калорийного питания и бутылкой портвейна Сёма по “Дороге Жизни” приехал в Ленинград, но дядя Леон уже почти не принимал пищи. Сёма вливал ему в рот ложку портвейна и давал кусочек бисквита. Посадив укутанного отца в машину и заполнив ее другими пациентами стационара, он перевез их обратно через Ладогу в Тихвин. Оставив отца на попечение спутников, пошел отметить у коменданта, получить паек и талоны на бензин, вернувшись, уже не застал его живым. Сам Сёма вскоре был тяжело ранен, и по его просьбе доставлен в госпиталь в Новосибирске, где жили эвакуированные его мать, тетя Эта, и сестра Женя. Там он скончался, по-видимому, не от ранения, а от больного сердца. Второй, младший, брат мамы, дядя Исаак, семья которого, жена и двое детей, жили в эвакуации в Средней Азии, инженер, работал во время блокады на заводе им. Козицкого, также погиб – по полученным мною впоследствии сведениям, ушел утром на работу и больше никогда не возвращался. Видимо, он, как и сотни тысяч других ленинградцев, упал на улице, тут же скончался и был отправлен на склад покойников в морг. В роте же у меня, хотя мы справились с голодным поносом и цингой, двое, большого роста и атлетического сложения бывших портовых грузчиков, и третий, помкомвзвода Скворцов, в прошлом декоратор театра им. Кирова, все трое с ослабленным в результате недоедания сердцем, лежали с отеками конечностями, до неузнаваемости распухшими лицами, и врач Евдокия Васильевна была бессильна помочь им. Скворцову я очень симпатизировал после его поведения во время обезвреживания нераззорвавшихся бомб.

Приказом по Ленфронту в это время дело питания всего личного состава фронта было возложено на политсостав. У нас от этого ничего не изменилось. Впоследствии выяснилось, что комиссар района Разуваев получал для поддержания ослабевших питательные концентраты, и, возможно, если бы мы их вовремя получили, могли бы спасти наших умирающих товарищей. Однажды, помполит Семенов по секрету сообщил мне, что комиссар района Разуваев предполагает устроить маленькую отдельную столовую с улучшенным питанием для штабов и комсостава. На мой вопрос о получении дополнительного продовольствия на это дело, Семенов ответил отрицательно. Я отказался пользоваться этой столовой и сказал, что не разрешу этого своим комвзводам, поскольку это нечестное дело – улучшение питания комсостава за счет ухудшения питания рядового состава. Видимо, из-за моего отказа мероприятие Разуваева не состоялось, но обо всем этом откуда-то узнали в штабе, а оттуда и в ротах, где положительно оценили мою роль в этом деле. Однако, Разуваев не

забыл мне этого, и когда вскоре штаб района представил меня к награждению орденом, он, как мне передали, принял меры, чтобы представление не утвердили, но меня это даже не огорчило.

Кроме командования ротой на меня были возложены контроль и организационная помощь по обеспечению противохимической обороны ряда предприятий района, в том числе Пивоваренного завода им. Степана Разина, на котором уже изготавливали не пиво, а что-то для обороны. Взяв с собой работавшего до войны на этом заводе слесарем-механиком командира отделения (не помню его фамилии), я представился директору завода Трофимову, который оказался уроженцем Торковического стекольного завода, из семьи стекольщиков. Он узнал меня по 1931 году, когда я руководил там реконструкцией, но я его не помнил. Проверив состояние средств химзащиты, а также умение пользоваться ими звеном дегазации, мы вернулись к директору для оформления акта проверки. Пока я писал акт, нам принесли 2 жбана солодового суслу – густой сытной и питательной жидкости, которую мы с благодарностью выпили, а также пакет с солодом. Узнав моего попутчика – бывшего слесаря-механика завода, Трофимов в тактичной форме, не увязывая с угощением, спросил, не смогу ли я помочь заводу в ремонте разрушенных постоянными обстрелами трубопроводов и оборудования, лимитирующих выполнение заказов фронта – противотанковых зажигательных бутылок. Считая, что это общее дело, я обещал прислать к нему из роты завтра же двух-трех специалистов вместе с бывшим со мною командиром отделения. Когда мы отошли от завода, начался обстрел – на его территории и вокруг завода рвались снаряды. Считая, что разрывы далеко от нас, мы спокойно шли по Курляндской улице рядом, плечом к плечу, разговаривали. Вдруг я увидел, что мой спутник медленно опускается на землю. Подхватив его, я увидел ранку возле его виска, разорвал свой индивидуальный пакет, начал бинтовать голову. Остановил грузовую машину с несколькими моряками. Они помогли уложить раненого в кузов, я сел с ним, и мы повезли его в Морской Госпиталь, но по дороге уже у него перестало биться сердце – шальной осколок снаряда убил его. С тяжелым сердцем, в одиночестве, я вернулся в роту. Отдал Семенову пакет с солодом, он сварил кашу для троих лежащих товарищей, но они уже не принимали пищу – умирали. Солод Семенов разделил на всю роту, а через два дня писал четыре “похоронки” эвакуированным семьям погибших (у него были все адреса).

А в начале января старшина Виноградов сделал роте подарок – организовал баню на Международном (ныне Московском) проспекте, доставив туда необходимое количество дров и воды. Истощавшие и давно не мытые мужчины мылись и парились, когда туда ворвалась группа женщин, без всякого стыда разделась и начала мыться – видимо, голод атрофировал стыд. Кстати, надо сказать, что не только стыд, но и страх смерти – люди безразлично относились к обстрелам и бомбежкам. В городе, где после эвакуации и массовой гибели

жителей, оказалось очень много квартир и комнат совершенно пустых или с жильцами, прикованным к постели, нашлись уголовники, которые эти квартиры грабили. Однако, когда милиции и войсковым частям было приказано расстреливать грабителей на месте, и в ряде случаев приказ приводился в исполнение, грабежи прекратились. Между тем, найденные мною у мамы в буфете варенье, сахарный песок и крупа, которые понемножку экономно расходовались мною для поддержания сил, пришли к концу. Но на мое счастье Николай часто ездил через Ладогу в Тихвин, где, конечно, не голодал, на время командировок оставлял свои продовольственные карточки мне, которые через Никифорова отоваривала его жена.

В январе же я провожал на Большую Землю моего приятеля Валентина Алексева и его жену Нину. Они жили на углу 1-й Красноармейской и Международного (ныне Московского) проспекта с его родителями в 3-х комнатной квартире. Я родителей хорошо знал. Отец до революции был капельмейстером Императорского дворцового хора, а после – профессор Ленинградской Консерватории. Мать – преподавательница института. В квартире сохранилась прекрасная старинная мебель, сервизы, хрусталь, большая библиотека. Я с Валентином изредка виделся, и при очередной встрече в ноябре он скверно выглядел, сообщил мне, что на днях умерли его родители, что Нина в тяжелом состоянии. Также рассказал мне, что они съели свою собаку и готовы съесть еще какую-нибудь живность. Я вспомнил, что на днях один из моих младших командиров, бездетный, с грустью рассказал, что они вдвоём с женой держат кота, любимца жены, которого уже не могут ни прокормить, ни убить. Зная, что голодающие люди уже едят собак и кошек, он отдал бы кота кому-нибудь. В общем, я сосватал кота Валентину, и они съели его. В дальнейшем Нина родила мертвого ребенка и обессиленная уже не вставала, а Валентин, едва держась на ногах, добирался до Невской Лавры и из-под снега доставал крапиву, из которой варил щи. После подачи второго рапорта и получения отказа я как-то зашел к ним, чтоб посоветовать хлопотать об эвакуации, и заодно рассказал о своих тщетных попытках перевестись на передовую. Совет об эвакуации Валентин принял, а в части моих рапортов в свою очередь предложил написать на меня донос, зная, что в 1926 я с папой был 3 месяца в Германии. Он тут же набросал черновик, в котором указал, что поскольку я ездил в Германию, полностью доверять мне нельзя, тем более доверять руководство одним из подразделений противохимической обороны города. С моего согласия Валентин отправил донос. А через некоторое время Валентин, уже едва передвигающийся, получил на себя и Нину разрешение на выезд и эвакуационное удостоверение, о чем я узнал при очередном посещении его. Помочь ему при отъезде, кроме меня, обещал знакомый Валентина, Главбух скорой помощи, Кучумов, планировавший использовать санитарную автомашину, чтобы доставить их на вокзал. Валентин,

оставляя роскошную квартиру без надзора, понимал, что квартира теперь будет занята посторонними, просил нас перетащить все вещи в одну комнату, где находилась библиотека. Он закрыл дверь этой комнаты на ключ, который оставил Кучумову, поскольку я отказался, рассчитывая уйти на передовую. А на следующий день, когда они должны были уехать, я пришел проводить их. На санитарной машине приехал Кучумов, вместе с ним и шофером мы вынесли совершенно исхудавшую и ослабевшую Нину, я попрощался с ними. Кучумов повез их на вокзал.

В расчете на действие доноса, я готовился к переводу на фронт. В надежде на это, вместе со старшиной Виноградовым перетащил мой мотоцикл с коляской из ротного гаража к себе на квартиру, подняв их по лестнице в разобранном порознь виде. Вскоре в роту начало прибывать пополнение из молодых девушек 18 - 20-летнего возраста взамен ушедших мужчин, также жительниц Ленинского района. В это время при обстрелах Ленинграда и, в частности, нашего района стали появляться зелёные пятна на снегу вокруг места разрыва снарядов, а иногда даже лужи зеленой жидкости. Это породило панические слухи, что фашисты начинают применять отравляющие вещества. Когда же на 9-й Красноармейской улице после разрыва снаряда оказались облитыми зеленой жидкостью ворота и часть стены, жители в страхе прибежали в штаб района. Было организовано немедленное оцепление пораженного участка, а на мою роту возложена обязанность срочно произвести химическую разведку с последующей доставкой проб в лабораторию. Возможно, это могло быть действительно новое боевое отравляющее вещество, я никому не мог доверить разведку – надо было идти самому. Надев комбинезон и сапоги, я, в сопровождении нескольких помощников вышел к очагу предполагаемого заражения, одел кислородный противогаз и перчатки, и взяв с собой необходимые инструменты вошел в опасную зону. Однако, перед выходом из очага поражения любопытство заставило меня немножко оттянуть противогаз на щеке и слегка нюхнуть наружный воздух – почувствовал явный аммиачный запах нитросоединений. Я отправил пробирки с пробами в лабораторию и написал своё предположение, что это не явление химической войны, а результат неполного разложения заряда взрывчатки снаряда, в основном содержащей нитросоединения. Мое предположение лаборатория подтвердила, и штаб принял меры к разъяснению и прекращению паники среди населения.

Между тем уходили постепенно группами последние мужчины из моей роты, а их места занимали прибывавшие девушки. Таким образом, к началу февраля 1942 года из мужчин в роте остались помполит капитан Семенов, командиры взводов, лейтенанты Никифоров и Кундашев, бывший до того помощником комвзвода, старшина Виноградов и отделение шоферов и мотористов, которые несли внутреннюю службу по гаражу и казарме. Я был в панике и написал резкий

рапорт с указанием, что ни за какую противохимическую оборону с необученными девочками отвечать не могу, и снова просил перевести меня в передовые части фронта. Результатов доноса Алексеева я так и не дождался – не сработало. Но меня вызвал начальник района майор Предкель Владимир Осипович, бывший заместитель предисполкома, инженер-строитель, с которым у меня сложились добрые отношения. Он спросил меня, почему я так упорно добиваюсь перевода на передовую, на что я ответил, что, особенно теперь, считаю свое пребывание в роте бесполезным для дела обороны, а на передовой я принесу конкретную пользу, хотя, может быть, это будет стоить жизни, но не зря, как здесь. Тогда он мне сказал, что я здесь “не зря”, а очень нужен, поскольку он извещен о химических испытаниях, проводившихся фашистами в лагере военнопленных под Псковом, и сейчас есть данные, что группа армий “Север”, окружающая Ленинград, уже имеет химическое оружие и может в любой момент применить его. Далее он сказал, что девушки быстро сумеют освоить использование личной противохимической защиты и работу с приборами и машинами, если я крепко возьмусь за это. Другого выхода из существующего положения нет, и отпустить меня командование не может. Чтобы смягчить отказ Предкель сказал, что моя рота была на первом месте в районе, и, судя по моей постоянной, даже внешней подтянутости, я сумею поднять новый личный состав на должный уровень. Действительно я следил за аккуратностью своего обмундирования, чистотой подворотничка и всегда был в двух-плечевой портупее того времени, с затянутым поясным ремнем. Эта подтянутость, которой я требовал и от подчиненных, дисциплинировала людей и морально поддерживала их в переживаемых тяжелых условиях. За мой внешний вид в штабе меня в шутку называли офицером, хотя в то время в Красной Армии этого слова еще не было. Были рядовые – красноармейцы, краснофлотцы, бойцы – и командиры, в целом называвшиеся “комсостав”, к которым обращались, называя их по занимаемой должности, а не по присвоенному званию. Знаки различия были на воротничках и в петлицах: треугольнички – у низшего состава, квадраты – “кубики”, прямоугольники – “шпалы” и ромбы – у командного состава. Лишь в конце 1942 или начале 1943 года они стали называться “офицерами”, к которым обращались только по званию. Появились звания “солдат или рядовой, матрос, младшие командиры-сержанты и старшины”, и у всех на плечах появились погоны со знаками различия. А между тем мне надо было делать дисциплинированных солдат из молодых девушек, не умевших даже ходить “в ногу”, но зато нередко плакавших даже и без видимых причин. Строевая подготовка, конечно, не была самоцелью в подразделении противохимической обороны, но она способствовала приобретению чувства коллектива и “локтя”, одновременно прививая дисциплину. А дисциплина была особенно необходима для спецподготовки и работ в очагах химического поражения. Поэтому пришлось начинать со строевой подготовки,

постепенно переходя к специальной подготовке с теоретическими занятиями и политучебой. Но прежде всего девушки, возглавляемые старшиной Виноградовым, который сразу нашел к ним подход и, соответственно, приобрел авторитет, возили воду, мыли полы, окна, стены. Стирали постельное белье, на морозе выдерживали и перетряхивали матрацы и подушки – в общем, навели чистоту, в том числе и в нашем КП. Оказавшаяся среди них парикмахер, по моему приказанию коротко остригла всех “под мальчика”, после чего они нарядились в выданные им ватники, ватные штаны, ушанки и сапоги. Постепенно знакомясь с девушками, Семенов и я наметили кандидатуры младших командиров, а бывшую ранее пионервожатой, очень инициативную и дисциплинированную Аню Иванову назначили командиром 3 взвода. Теперь к дежурным по роте и гаражу дневальными назначали девушек, приучая их к уставу и практическому несению внутренней службы. Наши шоферы и мотористы имели дополнительный “паёк”: они обменивали “сэкономленный” бензин на хлеб или другие продукты. Бензин в смеси с солью (чтоб не взрывался) использовался для освещения – керосиновые лампы и коптилки. Секрет “экономии” заключался в том, что некоторое, небольшое, количество бензина разрешалось расходовать на периодические запуски и прогревы автомашин и мотопомп, а за счет наличия, как указывалось выше, в гараже печки и дровяного отопления прогревы производились крайне редко. За счет “сэкономленного” бензина освещалась вся наша казарма и гараж, а также осуществлялись редкие и короткие официальные поездки наших машин, а оставшаяся “экономия” шла на скромное дополнение к пайку всего отделения шоферов и мотористов. Я, конечно, делал вид, что не знаю об этом, и таким образом сохранил кадры, без которых работа механизированных средств противохимической обороны была бы невозможна. Что касается девушек, то они постепенно, уже без слез, осваивались с казармой, дисциплиной, распорядком, боевой подготовкой и довольно частыми работами в очагах поражений от бомб и снарядов. Надо сказать, что почти весь рядовой состав наших батальонов в городе был уже укомплектован девушками, и не только наших, но и зенитной артиллерии, а также подразделений связи и саперов. Через 2 года после снятия блокады девушки моей роты стали саперами по разминированию окрестностей Ленинграда.

А пока что враг, рассчитывавший ещё осенью сломить сопротивление города голодом и просчитавшийся, вновь и вновь рвался в Ленинград. Видимо, угроза была серьезной, так как я получил из штаба распоряжение о направлении людей для участия в устройстве ДОТов (т.е. долговременных огневых точек) в угловых подвалах домов на перекрестках улиц. Пробивались бойницы, а ненужные окна закладывались мешками с песком, расчищались помещения и оборудовались входы, пригодные для приема боеприпасов и пр. Мне довольно часто приходилось дежурить по Штабу батальона, и там я имел возможность воспользоваться

телефоном для разговора с Николаем и Ефимом Израилевичем. Нагрузка у меня была большая, иногда не хватало времени для сна, и поэтому я с ними мог встречаться сравнительно редко. Однажды я на короткое время зашел к Николаю в его Управление, которое помещалось на улице Герцена. Там у него в кабинете сидел директор Завода Пластмасс, находившегося за Нарвскими воротами, Бакшинов Александр Ваганович, с которым Николай меня познакомил. Он просил у Николая помощи ремонтными рабочими. Завод, изготовлявший уже не пластмассы, а что-то по заказу фронта, остался только с женщинами и стариками, без квалифицированных ремонтных рабочих, ежедневно подвергался обстрелам, разрушавшим его оборудование и коммуникации. Николай, не имевший возможности помочь заводу, спросил меня, не смогу ли я выделить на короткое время хотя бы пару специалистов-мужчин, а Бакшинов добавил, что хорошо накормит их и с собой даст. Мне хотелось помочь Николаю, тем более в общем оборонном деле, и я сказал, что у меня остались мужчины только шоферы и мотористы. Бакшинов ухватился за это, и я обещал завтра прислать двоих, но на 2 - 3 дня с ежедневным возвращением их в казарму. На следующий день шофер и моторист после утренней поверки отправились на завод, а к вечерней вернулись довольные, так как их там хорошо накормили, и привезли в роту на санках три мешка казеина и небольшой мешочек соды. Казеин – это белок, но для употребления в пищу его надо было вымачивать, промывать, а затем содой нейтрализовать в нем кислоту – я знал, что надо делать. Привезенный казеин передали в распоряжение Семенову, утром нашли бочонок и замочили полмешка казеина. Те же двое “ремонтников” работали на заводе еще 2 дня и по вечерам сытые привозили на санках казеин и соду. В общем, через 4 дня вымачивания в бочонке первую закладку промыли, и затем я сам при командирах отделений, чтоб они знали методику приготовления продукта, содой стал нейтрализовать кислоту до прекращения выделения пузырьков углекислого газа. Воду слили, и Семенов кружками разделил по всем отделениям продукт, из которого на печках пекли маленькие лепешки. Это было в конце января или в начале февраля, точно не помню. Голод свирепствовал в городе, а для нас, т.е. для нашей роты, голод был уже не так страшен.

Бакшинов благодарил Николая и через него меня.. В это же время ежедневно один взвод от нашей роты занимался городскими топливо-заготовками – разбирали деревянные старые дома, распиливали балки и доски на транспортабельные отрезки и складывали их в штабеля. Каждая из работавших девушек приносила с собой кусок балки или доски, и таким образом наши запасы дров пополнялись. “Дорога Жизни” почувствовалась не только в столовой, но и в прибавке всем хлебного пайка на 50 гр. Однако, уже истощенные люди продолжали умирать в колоссальных количествах. Во время наших работ осенью 1941 года по обезвреживанию неразорвавшихся бомб, я познакомился с

начальником отделения милиции, стоявшей вокруг в оцеплении. Позже этот начальник, кажется по фамилии Большаков, изредка при обходе участка заходил к нам в казарму, где я познакомил его также с Семеновым. И вот в очередной визит к нам в феврале он рассказал, что по их данным в январе и феврале в день умирает в среднем 15000 человек, и что есть несколько случаев людоедства. В этом, я с ужасом вспоминаю, мне пришлось самому убедиться. Однажды днем проходя по Фонтанке, я увидел молодого здорового парня, который вез по проезжей части санки с бельевой корзиной, покрытой рогожей. При резком порыве ветра рогожу сдуло, и парень, увидев это, бросился бежать. В корзине было что-то красное, по-видимому, мясо, а когда я и несколько женщин подошли близко, то увидели сверх мяса две кисти рук и девичью голову с косой. Я пытался погнаться за парнем, крича “стой стрелять буду”, но он бежал быстро, а я не имел сил, и стрелять было нечем. Женщинам я велел отвезти санки с корзиной, покрыв ее рогожей, в отделение милиции. После этого случая меня часто мучила бессонница. А в конце февраля умер один из шоферов – все признаки голодной смерти: отеки конечностей и лица. Остальные шоферы сказали, что он при них почти не ел хлеба, объясняя, что ест его в течение дня маленькими кусочками. Семья его была в эвакуации. Когда открыли большой чемодан, лежавший под его кроватью, там нашли, кроме дорогих шерстяных и шелковых отрезков, несколько мужских и дамских золотых часов, золотые кольца, серьги и ряд других драгоценностей – он менял свой хлеб, т.е. жизнь, на драгоценности. Семенов сообщил об этом его семье, и хотел попытаться отправить им чемодан или сохранить его в Исполкоме Райсовета. К счастью, весь остальной состав роты теперь был далек от голодной смерти – дополнительные 50 грамм хлеба и казеиновые лепешки серьезно помогли, хотя, конечно, сытости не было. По моему указанию Семенов делил питательный казеин всем поровну, а имевшие в Ленинграде родных получали двойную норму, чтоб делиться с семьей. Некоторые девушки были донорами и получали дополнительный паек, плюс получаемую солдатскую норму табака, меняли на хлеб. Табак, вернее “эрзац” (т.е. заменитель) махорки. Ленинградские ученые, разработавшие метод получения витаминов из иголок хвой, также решили вопрос производства табака из мелко нарубленных древесных веток, пропитанных никотином, получившего шуточные названия “привет Летнего сада” или “Смерть Гитлеру”. И хотя это было отвратительное зелье, дым которого имел отвратительный запах и зверски драл горло, мы все же курили его в силу привычки, а когда я бывал у себя на квартире, то делился этим “табаком” со своими соседями, Натальей Алексеевной и Александром Алексеевичем Куль, курящими, и они были очень благодарны.

В числе курируемых мною предприятий, кроме выпускающих оборонную продукцию, был также хлебозавод, располагавшийся между 11-й и 12-й Красноармейскими улицами. Этот завод, как и другие пекарные предприятия

Ленинграда, освоил выпечку черного хлеба по утвержденной рецептуре с большим содержанием наполнительных примесей – молотой бумаги, опилок, соломы и т.п. Когда в феврале я пришел на этот завод, директор (не помню его фамилию), встретивший меня дружелюбно, рассказал, что работающие у него люди – женщины, старики и дети, мужчин нет – не голодают, так как мизерный процент допустимого брака буханок, распределяется между рабочими и служащими (без права выноса). Место хлебное, поэтому все его приказы неукоснительно выполняются, как в производственной работе, так и в организации оборонных мероприятий, в том числе и противохимической обороны. Проверка подтвердила его слова – всё оказалось в идеальном порядке, и оборудование, и подготовка людей. Когда я в кабинете директора писал акт проверки и рекомендации, туда принесли чайник с кипятком, 2 стакана, на тарелке буханку хлеба с отвалившейся верхней коркой и соль. Принесшая женщина разрешила буханку на ломти, после чего хозяин кабинета пригласил меня угощаться. Он также налил себе кипятку и взял маленький кусочек хлеба, очевидно, только для видимости, а меня потчевал, сетуя, что сахара нет. Это была привычная еда – хлеб, соль, запивали кипятком, и тут я съел, вероятно, грамм 300 - 400 хлеба и, хотя мог съесть еще, сделал вид, что сыт и поблагодарил за угощение. Но директор сказал, что хлеб был принесен для меня и остаток буханки, если уже я сыт, я должен взять с собой, но не в открытом виде, поскольку вынос с завода строго запрещен. Я положил оставшиеся ломти, завернув их в бумагу, в полевую и противогазную сумку. В казарме эту контрабанду разделил пополам с Семеновым – хлеб для его жены, которая работала на фабрике “Госзнак” на проспекте Огородникова.

Возвращаясь к началу войны, чтобы вспомнить о Волике. Оставленный мною на 10-ой Советской с Региной и Бобочкой он вечером позвонил своей маме Кате, которая сразу приехала за ним и увезла его домой. На следующий день она пошла в школу и получила для него путевку в школьный пионерлагерь под Малой Вишерой, куда сразу и отвезла его. Однако, в августе немцы бомбили часть железной дороги и высадили недалеко от пионерлагеря большой десант, с которым вели бои местные истребительные добровольческие отряды. Руководство лагеря через школу просило родителей срочно увезти детей, что Катя и сделала. С 1 сентября начались занятия в школе, и Волик пошел в 3 класс. А в конце месяца, во второй половине дня, когда он был один дома, в соседнее здание попала фугасная бомба, взрывной волной встряхнуло все вокруг и частично выбило стекла. На почве нервного потрясения у Волика скосились глазки. Как раз в этот вечер я позвонил им по телефону, и Катя с плачем рассказала мне об этом. На ребенка страшно было смотреть, читать он не мог и вообще плохо видел. На следующий день я приехал за ним и повез в Глазной Институт на Моховую улицу, где главврач по моей просьбе дал указание о

немедленном внеочередном осмотре ребенка и лечении его. К глазам прикрепили маленькие рюмкообразные сосудики с лекарством и подсоединили электрические провода. Надо было сделать десять таких сеансов. Волик самостоятельно ездил в Институт, но на 9-м визите вместо института увидел разрушенное бомбой здание. К счастью, он мог уже читать, но по рекомендации врачей должен был носить очки. Его школа – бывшая Петершуле – размещавшаяся в большом школьном здании позади собора святого Петра на Невском проспекте, в связи с бомбежками была рассредоточена по подвалам соседних зданий. Волик занимался в подвале на углу Невского пр. и ул. Желябова до конца ноября, дети сидели в зимних пальто и шапках. В начале декабря школьные занятия прекратились из-за холода и голода. Катя продолжала работать, а Волик, помогал по хозяйству – стоял в очередях, отоваривал продуктовые карточки, топил печку. В декабре, когда их небольшие продовольственные запасы полностью истощились, они оба от недоедания начали слабеть. После выключения частных телефонов я уже не мог связываться с ними, а когда прекратилось движение трамваев, я не мог часто навещать Волика. Обычно, увольняясь в город, я шел сначала к нему на канал Грибоедова, неся с собой что-нибудь съестное – кусочек конины, хлеба, немножко сахарного песка, а последнее время казеиновые лепешки и, конечно, почти всегда хвойный витамин, а также кусочек доски, так как дрова у них также кончились. Я растапливал в печке маленький костерок и на нем нагревал им маленькую кастрюльку кипятка. В конце января Катя уже не могла ходить на работу, больше лежала, а Волик сидел в зимнем пальто и ушанке. Он выходил только, чтоб постоять в очереди и получить их хлебный паек. Остальных продукты по карточкам часто не отоваривались совсем или заменялись малопитательными “эрзацами”. Мой заместитель, лейтенант Никифоров, узнав об их тяжелом положении, предложил отдавать ему их карточки, чтобы, по-возможности, качественно отovarить их через жену – директора магазина. Это было значительным подспорьем, поскольку, например, по неотоваренным талонам на мясо Волик и Катя получали мизерные нормы копченой колбасы и т.д. От них обычно я шел к Николаю на работу или домой. Мы делились новостями и сообщениями из писем родных. Его настроение значительно улучшилось, когда он начал часто ездить в Тихвин и обратно, подчас привозя своим высокопоставленным приятелям их заказы. А от Николая я шел на 10-ю Советскую к Ландерам, где меня тепло встречали. Марья Денисовна угощала студнем из столярного клея с лавровым листом, перцем и солью. Тогда это был деликатес. Я тоже приносил кое-что из своих возможностей и, конечно, свой суточный паек, оставался ночевать у них на диване, поскольку возвращаться в тот же день пешком у меня не хватало сил. А иногда я приходил к ним из мастерской Ефима Израилевича с его посылками, о чем я рассказал ранее. Между прочим я встретил Александра Осиповича Рейзена, который рассказал, что “Минерал” не работает,

законсервирован, он сам работает в другом месте, дочки также работают, зять на фронте, а для маленькой внучки он иногда за бешеные деньги достает немножко какао и кусочек масла. Когда я в феврале навестил Волика, он закутанный во все теплые вещи сидел и плакал, а Катя, совсем ослабевшая, лежала одетая по одеялом и почти не могла вставать, они уже и не умывались. Я принес из канала Грибоедова воды, нагрел ее, заставил обоих умыться, напоил кипятком с казеиновыми лепешками и кусочком хлеба с солью. Я старался подбодрить их, сказал, что надо подать заявление на эвакуацию. От них сразу пошел к Рейзену и просил его достать мне для Волика и Кати немножко какао и масла, он обещал, назвал стоимость и назначил прийти через 2 дня. У себя в штабе я узнал, что 5-го марта две или три автомашины из наших батальонов пойдут в составе каравана через Ладогу и договорился с начальником района Предкелем об отправке с ними Волика и Кати. Благодаря полученным через Рейзена за большие деньги какао и масла Волик и Катя немножко ожили, она получила разрешение на эвакуацию. 3-го марта, выкупив хлеб по 4-е марта, Катя сдала карточки и получила эвакуационный паек, подготовила необходимые вещи и в том числе ручную швейную машинку, рассчитывая в эвакуации подрабатывать шитьем. Я должен был прийти к ним или приехать с автомашиной 5 марта рано утром, но они напрасно ждали, я не пришел. Они съели эвакуационный паек и 8-го марта вечером пришли ко мне в казарму, где нашли меня лежащим на койке с забинтованной головой, только что очнувшегося после 4-х дневного бессознательного состояния.

А случилось вот что: 4 марта утром я отправился для очередного обследования предприятия (кажется, завода подъемно-транспортного оборудования им. Кирова) на Обводном канале. Немцы обстреливали военные склады на противоположной стороне канала. Вероятно, вблизи меня ударил снаряд, я почувствовал очень сильный удар и потерял сознание. Меня нашли там сандружинницы, лежащим без сознания. Оказалось лёгкое ранение головы и очень тяжёлая контузия. Забинтовали голову, одна из дружинниц узнала меня, на санках с носилками привезли в роту и уложили в постель. Вызванная Семеновым врач Евдокия Васильевна хотела забрать меня в санчасть, но он не позволил и просил здесь, в нашем КП, организовать круглосуточное дежурство сестер около меня, на что она согласилась.

Когда пришли Волик и Катя, у меня сильно болела голова, звенело в ушах, но я вспомнил все это несчастное стечение обстоятельств, просил Семенова отдать им мой паёк за 4 дня моего беспомощия и обещал постараться прийти к ним 10 марта, чтоб явочным порядком отправить их. С шумом в забинтованной голове я все же в назначенный день добрался к ним. Постепенно перенесли по частям упакованные вещи вниз во двор, там мы уложили их на санки и крепко перевязали этот “контейнер”. Отдохнув немного мы отправились на Финляндский

вокзал – я тянул санки за веревку спереди, Волик толкал их сзади, а Катя шла сбоку, держась за веревку, чтоб не упасть. Долго шли, с частыми передышками, но все же добрались до вокзала. Я разыскал военного коменданта, рассказал о моей несвоевременной контузии и ранении, и просил его помочь переправить их на Большую Землю. Комендант сразу же вызвал адъютанта и приказал ему срочно обеспечить эвакуацию семьи раненого лейтенанта, а мне предложил, оставить санки с вещами у дежурного перед дверью и привести Волика с Катей в его кабинет, чтобы обогрелись. Вскоре явился адъютант с бумажным пакетом в руках и доложил коменданту, что приказание выполнено, и пригласил нас идти с ним. Поблагодарив коменданта, мы взяли санки с вещами и с адъютантом отправились на перрон. И – чудо, вошли в пассажирский жесткий отапливаемый вагон стоящего у платформы поезда. В купе, где уже сидели двое военных, наш провожатый передал Кате бумажный пакет, в котором оказалась буханка хлеба, две большие сардельки и кусочек сала, попрощался с нами и вышел. Катя же, увидев хлеб, схватила его и жадно стала откусывать куски прямо от буханки и, почти не прожевывая, глотала. С трудом отнял у нее буханку и в ответ на ее упрек, что даже хлеба я ей пожалел, объяснил, что надо быть очень осторожной с едой после недоедания, так как при эвакуации было много жертв от заворота кишок невоздержанных голодных людей. Буханку я отдал Волику, а соседей, оказавшихся политруками, просил помочь Кате при дальнейшей пересадке в Тихвине. По словам проводника поезд должен был двинуться еще через полчаса. Один из политруков принес чайник с горячим заварным чаем. Я отрезал по большому ломтю хлеба и по кусочку сардельки, налил чай в кружки. Волик и Катя поели, немножко ожили, просили меня тоже кушать, но я отказался. А вскоре наступил момент прощания. Волик плакал, да и мне было очень тяжело. Волик обещал из Тихвина написать мне – ведь путешествие через Ладогу не всегда было безопасным. Идти в казарму у меня уже не хватило сил, и я с трудом добрал до 10-й Советской к Ландерам, где отлежался до утра следующего дня. У них тоже были свои осложнения. С ними жил их младший сын Аля, 23-х лет, брат Регины, работавший корреспондентом в железнодорожной газете “Октябрьская Магистраль”, и родители, конечно, его подкармливали из своих пайков; а в январе 1942 года он объявил, что женился и привел в дом свою довоенную симпатию Люсю Эпштейн, мать которой умирала от голода в это время в своей квартире.

Со временем я постепенно стал оправляться от контузии, с раны на голове уже сняли швы, и повязка вокруг головы была заменена марлей и пластырем, но головные боли периодически мучили. Свободного времени совсем не оставалось – усиленная боевая и политическая подготовка роты, постоянные выходы в очаги поражения, работа на разборке деревянных домов и завалов. Хотя в марте питание постепенно улучшалось, массовая смертность в городе очень медленно шла на убыль. Тяжелое прощание было у меня со старшиной Виноградовым. Бывший

военный моряк, был откомандирован от нас в героические, но поредевшие части Балтийской Морской пехоты. Он был моим помощником и другом – человек спокойный, доброжелательный, расторопный и исполнительный. Пока бессемейный, холостой. На его место была назначена помкомвзвода Тамара Самойлова, хозяйственная, дисциплинированная и энергичная. А от Виноградова, обещавшего писать в роту, вместо писем через 2 месяца пришло сообщение о героической гибели его, огорчившей всех нас. С чувством глубокой печали должен сказать, что ушедших на передовую из моей роты мужчин я больше никогда нигде не встречал, видимо, большинство их погибло.

Между тем весь новый девичий состав роты старательно осваивал учебу и тренировки, добросовестно выполнялись все задания. В должности связной у меня и помполита Семёнова была выбранная им грамотная, ранее учившаяся в техникуме, Мосина, очень красивая женщина 22 лет, серьезная и исполнительная, но неразговорчивая – она переживала за двух своих детей и мать, уехавших на лето в Белоруссию и оказавшихся теперь в фашистской оккупации, и за мужа, ушедшего на фронт в начале войны и уже несколько месяцев не дававшего о себе вестей. Однажды вечером, вернувшийся из Штаба батальона Семёнов принес устное распоряжение выслать связную Мосину в Штаб района, что и было выполнено. А через некоторое время, вероятно часов в 10 вечера, прибежала плачущая и растрепанная Мосина и постучалась к нам в КП. Она, плача, не могла говорить, а когда мы дали ей воды и успокоили ее, рассказала, в чем дело. В Штабе района дежурный сказал, что вызвал ее комиссар района Разуваев, который находится у себя на квартире и приказал направить ее туда и дал адрес. В квартиру ее впустил какой-то военный и пригласил пройти в комнату, где она увидела шумную, видимо, уже подвыпившую компанию из 4 женщин в платьях, самого комиссара и еще 4 или 5 военных, за столом, обильно уставленным бутылками со спиртными напитками и всевозможными закусками довоенного образца. Разуваев принес ей женское платье и туфли, предложил переодеться в соседней комнате и сесть к ним за стол. Когда же она отказалась, двое военных пытались сорвать с нее ватник, она сопротивлялась, вырвалась от них, выскочила на лестницу и прибежала сюда. Я велел ей тут же сесть за стол и написать все это коротко в порядке рапорта на мое имя, что она и сделала. А я, глубоко возмущенный этой историей, сразу же написал коротенький рапорт от себя с приложением ее рапорта и утром по почте отправил в Политотдел Ленфронта, минуя инстанцию “по команде”, чтоб дело не замяли, ведь я не знал, кто был на квартире у Разуваева. Стало известно, примерно через неделю, Разуваев из комиссара превратился в рядового и был отправлен на передовую в штрафной батальон. Однако, когда значительно позже намечалось представление трех командиров района, в числе которых был и я, к ордену “Красной звезды”, моя фамилия оказалась вычеркнутой, как объяснил мне начальник Района Предкель,

за то, что подал рапорт через голову, а не по инстанции. Во всяком случае, история с Мосиной стала широко известной в батальонах нашего района, и снятие и разжалование Разуваева было встречено с одобрением.

В марте же я получил от Регины через её родственника Наума Явича роскошный по тем временам подарок – литровая банка меда с маслом. Явич был командирован на Большую Землю, заехал в Уфу навестить свою семью, там же была Регина с Бобочкой. Регина в письмах просила меня воздействовать на родителей, чтоб они эвакуировались из Ленинграда, так как, хотя с недостатком питания в Ленинграде стало несколько легче, но систематические обстрелы и бомбежки продолжались, и угроза штурма рвавшихся в Ленинград нацистов пока не была ликвидирована. Правда, в небе уже стали появляться наши новые самолеты, которые смело сбивали немецких асов. Невская Дубровка и Ораниенбаумский пятачок, несмотря на потери, все же держались.

Но перед Ленинградом выросла новая угроза – возможность эпидемии при оттаивании замерзших трупов в моргах. Здесь, по сведениям начальника отделения милиции Большакова, в Ленинграде с ноября по март умерло более миллиона двухсот тысяч ленинградцев, и большое количество беженцев из районов Ленинградской области, которые не учитывались паспортными столами милиции, не будучи здесь прописанными. Ходячих ленинградцев осталось около 600 000 человек. Часть покойников была похоронена родственниками на разных кладбищах, а большинство оставалось в импровизированных моргах. Так пятиэтажный дом на углу Лермонтовского проспекта и 11-й Красноармейской улицы, который в результате попадания в него небольшой фугасной бомбы и нескольких “зажигалок” в декабре полностью выгорел внутри, остались только стены (из-за отсутствия воды пожары уже не тушились), был превращен в морг, до самого входа заполнен трупами, а точнее скелетами, обтянутыми кожей. В Измайловском соборе трупы были уложены до купола и т.д. И вот в конце марта или начале апреля в соответствии с решением Обкома ВКП(б) и Облисполкома командованием Ленфронта был издан приказ об очистке города и захоронении трупов силами свободного населения и личного состава воинских подразделений, находящихся в Ленинграде. Из моей роты также были выделены кузовные автомашины с шоферами, но девушек в эту операцию не брали. Семёнов остался в роте, а я поехал с машинами в первые рейсы на вывоз трупов из Измайловского собора, где уже работала группа военных. Нам выдали небольшую порцию водки, так как работа была страшная. Мы укладывали замерзшие трупы в кузова машин штабелями, как дрова, и везли их в район станции Пискаревка, где среди поля саперы бурили шурфы, закладывали в них взрывчатку, и из последовательно расположенных взрывных воронок делали большие глубокие рвы, в которые мы сгружали покойников, укладывая их вплотную один к другому, и в несколько рядов по высоте, после чего саперы и дорожные машины засыпали эти братские

могилы. Вечером, вернувшись в казарму, я не мог есть и, кажется, шоферы также, а ночью меня мучили кошмары, которые в дальнейшем неоднократно повторялись. В общем, в апреле все трупы были захоронены, морги и город очищены. По улицам пошли, хотя в ограниченном количестве, трамваи. В начале апреля я встретил своего старого, знакомого еще по 3-му Химбату, военного химика, которого откомандировали на Большую Землю. Он должен был уехать на днях вместе с семьей и распродал по дешевке некоторые свои вещи и, в том числе, велосипед, уговаривал меня взять его. Я умел ездить на мотоцикле без коляски, но никогда в жизни не ездил на двухколесном велосипеде. Однако, быстро освоив его, я приобрел удобный личный транспорт, позволявший мне значительно чаще навещать Николая и Ландеров. Ефим Израилевич к этому времени начал склоняться к мысли о целесообразности эвакуации его небольшого предприятия вместе с забронированным от военной службы персоналом, по видимому, сообщил свои соображения в Главк.

Наша рота активно участвовала в работах по очистке города. В казарме же, в том числе и в КП, поддерживали постоянную чистоту наши девушки. Они добровольно шефствовали в отношении чистоты белья и одежды над всеми оставшимися мужчинами – командирами, шоферами и мотористами, а наша парикмахерша заявила, что она не позволит им ходить небритыми и тем более нестриженными. Вообще, наши девушки были дисциплинированными и дружелюбными, как в отношении командиров, так и между собой, и к наказаниям прибегать никогда не приходилось. Однако, командир 2-го взвода Кундашев, не сумевший найти к ним подход, несмотря даже на внушения Семёнова, подчас допускал грубое обращение, не пользовался авторитетом и расположением девушек, однако, все его распоряжения они выполняли.

Между тем дома у меня взрывной волной были выбиты стекла в окнах. Пришлось заделывать фанерой, картоном и бумагой, в комнатах стало темно. К майским праздникам вновь была увеличена норма питания ленинградцам, и в том числе и военные пайки. Перед праздником выдали также по небольшому куску, примерно, 150 гр. глюкозы, как говорили, американского производства. В мае нам снова выдали по куску глюкозы, назначением которой было улучшение деятельности ослабленного голодом сердца, а затем, примерно, по такому же куску высоко калорийного американского шоколада. Все эти питательные “дотации” подлежали постепенному потреблению в небольших дозах, о чем, по рекомендации врача, было дважды объявлено на утренних поверках. В общем, уже голода не было, пайки были увеличены, но и сытость все же не чувствовалась. Важно было, что люди держались на ногах, работали, а не падали и не умирали. В это же время Ефим Израилевич получил решение Главка об эвакуации его мастерской-лаборатории на восток, и со свойственной ему скрупулёзностью начал подготавливать оборудование к отправке. Николай много

работал, ездил в командировки через Ладогу в область, виделись не часто, хотя квартиру мамы я навещал, посещая рядом Ландеров. Обстрелы города фашистами несколько усилились, хотя воздушных налетов и бомбежек стало меньше благодаря качественному и количественному усилению нашей авиации. Все же разрушений хватало, люди гибли, и наши работы в очагах поражения носили почти постоянный характер. От встречавшихся там ужасов, хотя все мы достаточно привыкли и немножко очерствели, нервная система все же была всегда в напряжении. В начале июня в Штабе города состоялось инструктивное совещание всех командиров химических рот. А перед совещанием в кабинете помощника нач.штаба, подполковника Трегубова, шел разговор о моих трёх рапортах, тут же находился начхим города (начальник химической обороны), капитан Артамонов, оба учились на курс младше меня, остались в кадрах химвойск. Они сказали мне, что я напрасно пытаюсь уйти от своей работы, которая нужна и необходима, так как опасность химического нападения висит над городом, поскольку нацисты подвезли, по данным разведки, значительное количество боевых отравляющих веществ к Ленинграду, но, видимо, пока воздерживаются от их применения, поскольку, по некоторым сведениям, президент Рузвельт предупредил Гитлера, что в случае применения им отравляющих веществ, химическая промышленность США будет немедленно мобилизована для мощного ответного удара по густонаселенной Германии. Следует учесть, что английская авиация, а в дальнейшем и советская к тому времени, часто со значительными потерями, появлялась над Германией и, конечно, бомбили её объекты. Кстати, на английских самолетах ряд экипажей состоял из палестинских добровольцев – евреев, семьи которых были уничтожены нацистами в процессе решения так называемого “еврейского вопроса” в газовых камерах и печах концентрационных лагерей.

В конце июня я провожал в эвакуацию Ефима Израилевича, Марию Денисовну и Люсю, уезжающих на Большую Землю через Ладогу вместе со всеми сотрудниками и оборудованием, занимающими отдельный вагон – теплушку. Мы очень сблизились за время блокады, и поэтому расставание было, конечно, далеко не радостным. С ними я послал маме некоторые её вещи для обмена на продукты питания. Хотя в Ленинграде, кроме Николая, уже не оставалось близких мне людей, скучать было некогда. Занятия с ком. составом роты по спецподготовке, проведение общеротных политзанятий, выходы в очаги поражения, довольно частые суточные дежурства по штабу, обследования предприятий района по хим.обороне и пр. – всё это полностью занимало мои дни, а иногда и ночи.

Всё же я решил поинтересоваться своими родственниками. Гришу Гуршмана, двоюродного брата, я встретил ещё в августе 1941-го года в нашей общей столовой в общежитии на 7-ой Красноармейской улице. Он после разгрома их

части в Прибалтике с остатками людей прибыл в Ленинград и здесь находился в резерве комсостава. Он рассказал мне, что его младшая сестра Ира с мужем эвакуированы с его предприятием. Гришина жена Оня с двумя детьми, Юрой и Евой, и племянницей Олей также в эвакуации. Средняя сестра, Маля, работает врачом в госпитале, которым командует в качестве главврача её муж Леня, но местонахождение госпиталя не известно. Также где-то в госпитале работают младший брат моего папы, военный врач Аркадий, и сестра папы, стоматолог Люба. Старшую сестру папы, тетю Женю, увезли я эвакуацию вместе с её сыновьями, Осей и Эрой, и дочками Софой и Адой. Сыновья страдали наследственной тяжелой болезнью сердца, их не приняли даже добровольцами в армию. Ося умер в эвакуации от сердечного приступа, а Эра умер, вернувшись после войны. Отказавшийся уезжать их старший брат, глухонемой фотограф Яша, как впоследствии выяснилось, вместе с женой и маленькой дочкой умерли от голода. Также от голода умерла одинокая Лена Мандельштам, дочь папиной другой старшей сестры, тети Ани. С детьми тётки Ани после её смерти у нас была потеряна связь за исключением погибшей Лены Мандельштам и младшей Раи Мандельштам. Рая уехала в эвакуацию. Из маминых писем я узнал, что мамины братья, Леон и Исаак, работают в Ленинграде, а их семьи – эвакуированы. В городе также осталась мамина младшая сестра, тётка Соня, проживающая на Петроградской стороне. Полагая, что оба мои дяди на казарменном положении при своих предприятиях, я в первую очередь решил разыскать тётку Соню. Нашёл её в квартире с открытой дверью, лежащей в постели одетой, в состоянии сильного истощения и слабости. Оказывается, её сын, инженер Миша с женой, оба изголодавшиеся, весной эвакуировались, а её оставили “сберечь квартиру”. Обессиленная от голода, несмотря на увеличение пайка, она ещё не могла восстановить свои силы. К счастью у неё были добрые соседки, выкупавшие по карточкам её паек и приносившие его к ней. Тогда она рассказала мне об описанной выше гибели дяди Исаака, дяди Леона и его сына Сёмы, а также, что Исаак на всякий случай сообщил ей, что всё ценное он спрятал под паркет в своей квартире. Последнее обстоятельство оказалось полезным для сирот дяди Исаака и его жены Любы, Анечки и Ионы, которых после смерти Любы воспитывали их дедушка и бабушка, родители Любы, поддерживающие связь с родственниками покойного зятя. Приехавший после войны отец Любы, разыскал их квартиру, в которой новые жильцы оказались порядочными людьми, предложили ему не только вскрыть паркет и забрать все спрятанное там, но также были готовы оплатить оставшуюся в квартире мебель и имущество. Всё это оказалось значительной помощью в дополнение к полученной на сирот пенсии. Возвращаюсь к положению тётки Сони, единственной из братьев и сестёр мамы, оставшейся пока в живых. Я очень хотел вернуть её к жизни. В общем, я сразу же на велосипеде съездил в казарму и привёз ей казеиновых лепешек и часть моего

пайка, оставил ей мой адрес и велел, как только сможет доползти до ближайшей больницы, и не уходить оттуда. Через три дня я опять поехал к ней, но квартира была пуста. Соседка сказала, что её увезли в больницу Скорой помощи. Там я нашел её, и мне разрешили свидание. Она лежала уже умытая и несколько ободрившаяся и с радостью благодарила меня, когда я из полевой сумки вынул немного продуктов и отдал ей. Она сказала, что теперь она спасена. Я её навещал, как только мог, и подкармливал по возможности. Она стала постепенно подниматься, ходить и через некоторое время её выписали из больницы. Моё шефство над ней продолжалось ещё некоторое время, пока она не поступила на лёгкую работу, получила рабочую карточку, которая уже обеспечивала её в достаточной мере. Мои визиты к ней продолжались, но гораздо реже. Она продолжала переписку с тётей Этой и восстановила связь с мамой. Что касается её сына Мишки, то квартиру она ему сберегла, но для меня он перестал существовать, а в дальнейшем оказался прохвостом и в отношении своей жены. От мамы письма я получал регулярно часто, и через неё знал о Соне, Савелике и Семе, так как последние писали маме, а мне – мало и редко. Регина, которая писала часто, теперь, после отъезда родителей, несколько сократила свою корреспонденцию, тем более, что теперь не нужно было через меня давать советы родителям или узнавать о их состоянии. Конечно, я написал ей об этом, сказав, что также буду писать реже. Это не означало, что я собираюсь ей изменять. Ни о каком флирте (или как тогда говорили ППЖ, т.е. Походная Полевая Жена) у меня и мыслей не было, хотя был окружен молодыми, подчас красивыми и интересными девушками и женщинами – не то было моральное, нервное и физическое состояние и, в целом, обстановка.

А вскоре в Ленинграде начала работать труппа музыкальной комедии, а затем и драмы в здании театра им. Пушкина. На эту приятную новость живо среагировал помполит Семёнов. Он почти сразу же начал снабжать роту билетами в театр, иногда по пять-шесть штук для групповых походов, а иногда приносил лишь один билет лично для меня. Он сам оперетту не уважал, но на премьеры “Фронт” Корнейчука и “Русские люди” Симонова он ходил с удовольствием попеременно со мной, поскольку обоим отлучаться из роты одновременно было нельзя. В течение осени 1942 г. я прослушал почти весь репертуар ленинградской оперетты, а иногда даже повторно. В театре была своеобразная военная специфика – ведь почти все зрители были военные, большая площадь в вестибюле была занята велосипедными стойлами, так как значительная часть зрителей, в том числе и из передовых частей, доставлялась на спектакли этим двухколесным личным транспортом; нередко бывало, что часть велосипедов не помещалась в вестибюле, и остальные ожидали своих хозяев на улице. Во время “воздушной тревоги”, сигналы которой в театре не были слышны, представление прерывалось на минуту, на сцене появлялся

администратор, объявлял о “воздушной тревоге” и просил, без шума покинуть зал товарищей, которые по этому сигналу должны быть не в театре. Буфета, конечно, не было, но многие зрители, а особенно зрительницы, большинство которых было в военных гимнастёрках, а ближе к зиме – в шинелях, в антрактах и во время действия грызли репу, морковь и т.п. Это было отзвуком прошедшего лета, когда значительная площадь ленинградских парков, бульваров, газонов и, конечно, всяких пригородных площадей были превращены ленинградцами, штатскими и военными, в огороды, на которых выращивались картофель и другие овощи в зависимости от наличия того или иного семенного материала. Вблизи нашей казармы пригодных для временного огорода площадей не было, и мы “не сеяли и не пожинали”, но наши девушки иногда приносили откуда-то и грызли то морковку, то репку – это был шик того времени.

А я все лето и осень ходил с камнем на сердце и мрачными мыслями о Волике. Еще в апреле я получил из станицы Староминской очень короткую телеграмму: “Пришли аттестат деньги Катя”. Почему они оказались в Староминской на Северном Кавказе вместо Уфы, куда Катя хотела ехать, чтобы быть около моей мамы – было для меня неясно, так же, как отсутствие в телеграмме указания конкретного адреса – видимо, адрес был Кате самой ещё не известен. Поэтому я сразу же послал телеграфом на её имя “до востребования” в Староминскую 25 рублей. Ответа не было, а в мае по радио было опубликовано сообщение о занятии фашистами станицы Староминская. На почте мне не могли подтвердить доставку денег адресату, а равно отказались вернуть мне деньги. В общем после Катиной телеграммы ни от неё, ни от Волика я известий не имел и опасался, что если Катя с Воликом остались в оккупированной нацистами станице, то я его уже никогда не увижу. Эти опасения многие ночи не давали мне спать.

А пока в Ленинграде наступила вторая блокадная зима. Дров у нас было достаточно и бытовые условия сносны. Но по-прежнему рвались снаряды и бомбы, гибли люди в городе и на передовой. Кровопролитные бои велись нашими войсками в районе Синявинских болот, Невской Дубровки и Мги – наступающим изнутри блокады Ленинградским фронтом и извне её, Волховским фронтом. 18-го января 1943 года эти бои завершились победоносной встречей фронтов и прорывом блокады. Это событие было встречено как самый большой праздник в Ленинграде. В это же время наши части МПВО, видимо, в связи с прорывом блокады, были переданы в ведение Наркомата Внутренних Дел (НКВД). Тогда же из штаба мне приказали явиться в Большой дом (Литейный пр. 4) к генералу Деревянко. Приехав туда в назначенный день и час, я нашел приготовленный для меня пропуск и поднялся в указанный кабинет, где меня ожидал и приветливо встретил генерал Деревянко. Это был пожилой человек, с седыми волосами, с суховатым лицом, на котором был один зрячий глаз, а второй был закрыт чёрным наглазником. Пригласив меня сесть, он сразу же сказал, что из лежащего перед

ним моего “досье” он полностью ознакомлен с моей довоенной биографией, а также знает, что я считаюсь лучшим командиром роты в районе, что я подавал три рапорта о переводе меня на передовую, что по моему рапорту разоблачён и разжалован комиссар Разуваев, что имеется правильный, но не существенный донос о моей поездке в Германию, оказавшийся объектом расследования органами НКВД в 1938-м году, закончившегося прекращением дела, и, наконец, что в деле имеется письмо Наркомата Авиационной Промышленности (НКАП) с просьбой об откомандировании меня в его распоряжение, что было для меня откровением, впервые услышанным. Он добавил, что и мои три рапорта о переводе на передовую, и просьба НКАП остались неудовлетворёнными, так как я нужнее всего на своем теперешнем месте, а затем спросил, почему я до сих пор не нахожусь в рядах партии, и просил ответить откровенно. Подумав я сказал, что в целом мои взгляды не расходятся с линией и целями партии, но я сохраняю за собой право иметь свое мнение по некоторым моментам. “По каким?” – поинтересовался он. Я ответил, что, к примеру, я был не согласен с методами коллективизации, которые, правда, впоследствии были осуждены, но принесли вред многим людям и стране в целом, так же как и ошибочное решение доверить большому, по-видимому, шизофренией, Ежову руководство Наркоматом Внутренних Дел (НКВД), в результате чего погибло или морально искалечено много невинных, честных, советских людей, в том числе немало и старых членов партии, руководителей промышленности и армии, что оказалось только на руку врагу, хотя сам Ежов потом был снят с работы. Генерал по своему упростил это, полагая, что у меня остался ещё осадок от несправедливого и незаслуженного ареста и пребывания в тюрьме в 1938-м году, и он перешел к непосредственной причине вызова меня, сказав, что теперь я офицер войск НКВД, в которых весь командный состав состоит и не может не состоять в партии, что считает очень желательным сохранение меня в частях НКВД, однако, я должен вступить в партию, причём в этом случае получу наилучшие рекомендации, но, конечно, могу подумать несколько дней, прежде чем принять решение. Я ответил, что в промышленности я работал всегда добросовестно, иногда меня называли беспартийным большевиком, сейчас он сам дал мне неплохую оценку моей командирской работы за полтора года войны. Я всецело поддерживаю нашу интернациональную коммунистическую идеологию, единственно приемлемую для меня как для еврея, я готов отдать жизнь в смертельной схватке с человеконенавистнической идеологией нацизма, но без раздумья остаюсь при прежнем решении сохранить свое право на собственное мнение. Генерал поблагодарил меня за откровенный разговор, выразив большое сожаление, что вынужден удовлетворить имеющуюся просьбу об отчислении меня для работы в промышленности, после чего с наилучшими пожеланиями попрощался со мной. Я понял, что ходатайство Наркомата Авиапромышленности, полученное, как

выяснилось, еще в сентябре 1942 года, было инициировано моим братом Семёном, который в это время работал на авиационном заводе в Горьком, будучи в составе руководства завода. Я сразу же телеграммой сообщил ему о решении генерала. На следующий день Штабом города был оформлен приказ об отчислении меня в распоряжение Наркомата Авиапромышленности, а затем соответствующий приказ был отдан штабом района с одновременным назначением командиром роты вместо меня лейтенанта Никифорова.